T39
1064

9(с)22
В 55

ВС. ВИШНЕВСКИЙ

МЕЖДУ СМЕРТЯМИ

ЛЕНИНГРАД
1925

Т39 1064

СССР. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА.

9(с)22
В55

Вс. Вишневский.

МЕЖДУ СМЕРТЯМИ.

(Очерки из мировой и гражданской войны).

1960 г.

А. О. Р. Книгохранилище Опись № 1713
Инв. № 12521 5722

ЛЕНИНГРАД.
1925.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

1457209

Отпечатано
в типографии Морск. Ведомства,
зд. Главн. Адмиралтейства.
Тираж 1500 экз. — 6 л.
Ленинградский Гублит № 19164.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

моему другу

А. В. З.

Предисловие.

Боевая работа и быт моряков в нашей литературе отражены недостаточно. Цель этого сборника несколько пополнить пробел.

В сборнике рассказывается исключительно о случаях, имевших место в действительности. Ряд тем заимствован автором из записей и рассказов других моряков; ряд—взят из своей собственной практики.

Автор.

I.

На красных фронтах.

Задание исполнил.

— Завтра ты отправишься в Петровск! Будешь белогвардейцем. Постараешься попасть на один из кораблей. Задание—выяснить все относительно постановки минного дела. Это как раз по твоей специальности.

Тот, к кому обращался начальник Закордонного отделения Особого Отдела N района, не выразил ни удивления, ни особенной радости. Он продолжал постукивать по столу пальцами и своим взглядом как-будто спрашивал:

„И больше ничего?“

Так началась эта история.

Обычно из Астрахани в Петровск направляются морем. Это отнимает совсем немного времени. Но когда вам нужно из красной Астрахани попасть в белый Петровск, то этот обычный способ оказывается непригодным, так как все шансы за то, что вы гораздо скорее очутитесь на морском дне, чем в Петровске. Об'ясняется это присутствием в море белых судов.

Эти-то соображения и заставили беседовавших развернуть карту и начать составление наиболее безопасного и наименее длинного маршрута Астрахань—Петровск.

— Было бы удобно на гидро, но рисковать аппаратом, когда их так мало, нельзя,—заметил тот, кто должен был рисковать собой.

— Да. Остается один путь—кружной. Тебе предоставляется полная свобода выбора. Действуй по своему усмотрению.

— Так я думаю двинуть тогда через Царицын—Тихорецкую, а там по Владикавказской на Петровск.

— Двигай! Документы получишь любые.

Они расстались. Было это 28 июня 1919 года.

* * *

На одной из станций под Царицыном все были взбудоражены таким случаем. Какой-то рослый, здоровый подпоручик с забинтованной головой нещадно избивал солдата. Бешеным криком вылетали из глотки слова:

— Каналья... изменник... большевик... агитируешь!..

Толпа солдат и казаков стояла у вагонов и казалась безучастной. Тяжелые, сумрачные взгляды отводили в сторону. Пришел комендант станции. Подпоручик несколько отрезвел и, указывая на избитого солдата, обратился к коменданту:

— Возьмите его...—большевистский агитатор!..

Солдат что-то растерянно лепетал. Его увели.

— Еду с фронта, контужен, думаю лечиться, отдохнуть и, вместо этого,—опять большевистская сволочь...—лицо подпоручика задергалось нервными судорогами.

Комендант сочувственно поддакивал.

— Пропустил поезд, приходится ждать... Вы мне поможете, господин комендант?

— К вашим услугам, г-н подпоручик...

Кому же охота отказывать или противоречить контуженному в голову офицеру, с которым из-за каждого пустяка может случиться нервный припадок.

С первым же поездом подпоручик уехал.

— Вышло лучше, чем я ожидал... Жаль солдата, но что ж делать. Без этого мордобоя не получилось бы нужного впечатления. А так—все, как на заказ,—подозрений никаких и... место в вагоне. Вот только чортова

повязка мешает!—Эти мысли проносились под стук колес в голове ехавшего из Астрахани в Петровск кружным путем.

* * *

Петровск ничем не замечателен. Небольшой портовый город. Пожелтевшая, засыхающая от зноя зелень, тучи пыли, сонные обыватели. В порту крепкий запах протухшей рыбы, жирные пятна нефти. У пристаней—наливные баржи, пароходы „Кавказ и Меркурий" и Нобеля. Часть порта огорожена колючей проволокой и охраняется патрулями.

Здесь—база военной флотилии. Под андреевскими флагами стоят „Аракс", „Азия", „Дмитрий Донской", „Слава", „Европа" — вооруженные транспорта и канлодки.

Нужно было не более получаса, чтобы превратиться из контуженного подпоручика в здорового безработного моряка, одного из тех, которыми был заполнен Петровский порт в то лето.

Около недели понадобилось на предварительные разведки и знакомства с писарями из штаба флотилии. Добытые сведения говорили, что на судах некомплект команд и каждого мало-мальски знакомого с морем берут охотно.

Получить бумажку о назначении из Отдела личного состава, начальником которого был какой-то пропитанный спиртом лейтенант, было не трудно.

Так была выполнена первая часть задания начальника Закордонного отделения Особого Отдела N.

* * *

Появление в море красных судов и барж, вооруженных 6 дм. и 8 дм. орудиями, заставило белогвардей-

скую флотилию „встать в ремонт". По крайней мере так об'яснял Штаб флотилии бездеятельность белых судов, которые, казалось, прочно приросли к стенке.

На судах велись такие разговоры:

— На 80 кабельтовых такой перелет нам закатили эти самые баржи, что у нас сразу все гайки отдались.

Это было более правдоподобным об'яснением бездеятельности белых судов.

Штаб долго шевелил мозгами—что бы предпринять. Наконец, в Севастополь была послана телеграмма о срочной присылке мин заграждения. Был получен ответ—„высылаем", но прошел месяц, а мины продолжали лежать в складах Севастополя.

Наконец, долгожданные мины прибыли. Белые воспрянули духом:

— Такой сюрпризец красным устроим, что их в жар и в холод бросит!

Начали оборудование минного заградителя. Выбрали небольшой винтовой пароход с малой осадкой, пристроили рельсы для мин, набрали команду. Операция была смело задумана.

„15 сентября минному заградителю выйти в море на постановку мин заграждения на курсах следования Красной флотилии в районе о-ва Логани. Постановку произвести в ночь на 16-е. Начальник Флотилии Капеpанг Сергеев".

Для руководства операцией прибыл на „Президенте Крюгере" сам начальник флотилии.

Удалась постановка блестяще. А главное, была соблюдена скрытность.

В кают-компаниях после похода много пили и держали пари „сколько взорвется красных".

Командир заградителя сыпал мелкий смешок и потирал руки:

— Хе-хе-хе! Господа, вот,—хе-хе-хе! удачное дело, хе-хе-хе...

* * *

На другой день был устроен демонстративный выход белогвардейской флотилии с целью вызвать красных на бой и завлечь их на минное поле. Красная флотилия вышла. Она открыла огонь с обычной дистанции, почти сразу сделав накрытие белых. Не отвечая на огонь, белые стали отходить на Ost, заманивая красных на минное поле. Белые тряслись в лихорадке ожидания.

— Через 12 минут они начнут взрываться.—Сообщил штурман „Араса".

Красные, блестя огоньками выстрелов, преследовали белых. Впереди шли эсминцы красных „Финн" и „Эмир Бухарский".

Через несколько минут от них должны остаться щепки, масляные пятна и пузыри воздуха...

На мостике флагманского корабля кто-то приготовил фотографический аппарат.

— Клянусь честью,—это будут редчайшие снимки!—пылал восторгом любитель редчайших фотографий...

... Пластинки оказались неиспользованными. Это было неожиданно, но это было так.

Красные прошли минное поле.

Никаких взрывов, даже намеков на взрывы не было. Зато снаряды красных ложились чаще и вернее.

Паническая растерянность овладела белыми...

— Не надо думать, что мины всегда взрываются. Если над ними поработает опытный минер, то они могут и не взрываться.—Эти мысли проносились под шум волн в голове прибывшего из Астрахани в Петровск кружным путем.

Так было выполнено то, что не было предусмотрено начальником Закордонного отделения Особого Отдела N.

* * *

Большую роль играет в жизни случай. Надо же было случиться, что перебежчики из Астрахани встретили в Петровске того, кто прибыл в него кружным путем, и опознали.

Он не был расстрелян. Нет. Ему отомстили иначе, когда он рассказал о том, как, пользуясь невнимательностью минного офицера и темнотой, он обезвредил мины перед самой постановкой.

Его взяли на вторую постановку и, привязав к одной из мин, сбросили в море.

Но и второе минное заграждение не достигло цели.

Тот, кто умер на 6 футовой глубине, уже успел раньше послать донесение в Закордонное отделение Особого Отдела.

Красные тральщики протралили минные поля. Во время тральных работ была выловлена мина с привязанным к ней трупом моряка.

Так кончилась эта история...

В тыл белым.

Гудит, рукоплещет зал, полный народа. Красная армия прорвалась через Перекоп!

С полученной радио-телеграммой стоит у рампы моряк, бросая в зал победную весть.

— „Наш третий Октябрь, как и первый, несет победу Революции. Порыв Красной армии, как осенний шторм, сметает белогвардейщину!“

...Мощное ура прерывает речь.

Горит ярко электричество, горят глаза блеском победы. Наш третий Октябрь! И свирепый норд-ост, завывая за окнами, разносит весть о победе.

Двенадцатый день задувает ледяной ветер. Но разве может он остановить нас? Мы должны быть там, в Крыму. Мы лихорадочно готовим десант в тыл белых. У восточного мола в порту стоит „Шахин" и „Рион". Они возьмут десант—полк красных добровольцев.

На своем истребителе МИ № 17 мы будем их конвоировать. Нас не остановит целый флот, минные поля и осенние штормы. Мы должны быть в Крыму.

Темная осенняя ночь окутала Новороссийск. По набережной проносятся грузовики, бросая снопы света ацетиленовых фонарей. Тысячной темной колонной подходит полк.

Сутки без перерыва идет субботник. Моряки всей базы грузят на суда уголь, патроны, снаряды, продукты.

Мы стоим в своем ковше. Падающие от усталости с ног мотористы, бледные, как полотно, пробуют моторы.

Их гуденье, смешиваясь с прибоем волн и свистом ветра,—создает стихийный концерт.

Быстро бегают лучи прожекторов. Кругом цепь часовых. В порт не пропускают и не выпускают никого.

К стенке подходит десантный отряд моряков. Все в коротких полушубках, в папахах и высоких сапогах. У пояса револьвер и гранаты.

— В носовой кубрик 10 человек, остальные в кормовой!—передает командир.

Темный силуэт „Шахина" скрывается в воротах. За ним проходит „Рион".

А город блестит вдали тысячами огней, напоминая о тепле и уюте.

Не надо ничего. Мы должны быть только там—в Крыму.

— Отдать концы!

Истребитель рванулся вперед. Туго натянувшийся, стальной трос, поданный с кормы, лопнул. Его успели подобрать.

За кормой огневая полоса кильватерной струи. Иллюминаторы задраены.

Разрезая волну, 30-узловым ходом идем на NW. В ночной мгле еще видны полосы света прожекторов, но и они скоро исчезли.

Обогнали наши суда. Проходя под бортом, кричали нам что-то в рупор. Шум моря и ветер донес только— „иди-и-и...“

Идем, идем одним курсом.

На палубе ледяная корка от брызг. Волна большая. Винты то рассекают воду, то жужжат в воздухе.

Утром, взошедшее солнце залило светом морской простор.

— Как хочется пить!—где вода?

Воды нет, в спешке ее забыли взять; пересохло в горле, губы потрескались.

Ветер холодный ледянит руки, вцепившиеся в штурвал. Курс 310°.

— Парусник на горизонте! — крикнул сигнальщик.

— Убрать флаг!—приказывает командир.

Прибавили еще обороты и трехмачтовая шхуна, заполоскала опущенными парусами на наш сигнал „лечь в дрейф“.

— Куда идете?

— В Керчь из Феодосии.

— Пришлите капитана!

Шлюпка ныряет в волнах, приближаясь к нам. Мы застопорили моторы.

— Снять звездочки, не говорить „товарищ“,—предупреждает командир.

— Есть.

— Как дела в Феодосии? — был первый вопрос капитану.

Уклончивые ответы. Бросает на нас испуганно-удивленные взоры.

— Кто вы?—наконец, решается он спросить.

— Мы из Севастополя.

Такой ответ, которому мог бы поверить ребенок, а не старый моряк, заставляет капитана сказать:

— Разве Севастополь на SO?

— Кто в Феодосии?—продолжает допрос начальник десанта.

— Американский крейсер, сторожевые суда, транспорты. Идет эвакуация, приближаются красные.

Шхуну отпустили. Будем продолжать итти своим курсом.

— Полный вперед!

В рубку приходит механик.

— Моторы неисправны.

Нас несет ветром на запад. Проходят мучительные часы. На горизонте ни дымка, ни паруса.

— Если нас заметят, то мы пропали.

— Может быть.

Мы можем взорваться, если будет нужно. Баки полны бензину.

Хочется пить. Кругом столько воды—горько-соленой, холодной.

Солнце садится. Алая полоса заката над темным горизонтом.

— Может быть, сегодня...—задумчиво произносит кто-то.

В кубриках тяжелое молчание и удушливый запах бензина.

— Неужели конец...—сверлит мозг.

Вздрогнул истребитель, и снова загудели моторы.

Сознание того, что мы спасены, сделало всех похожими на безумных. Нервный смех, ругань, выкрики.

Вспыхивает огонь маяка. Проблеск за проблеском. Это Меганом.

— Право руля.

— Есть, право руля.

В вечернем сумраке виден Крымский берег. Все ближе и ближе.

— Приготовься к десанту.

Команда по боевой тревоге на местах.

Шумит прибой у берега. Темнеют горы. Ни звука не слышно,—ни огонька не видно.

Прибоем нас выбросило на прибрежную мель. Мы прыгали в воду и, высоко поднимая оружие, шли по пояс в воде на берег.

— В цепь!

Растянулись цепочкой. Вдоль берега пошли по шоссе.

— Вода!

И жадно припав к холодной струе горного ручейка, мы утолили жажду.

Мы—в Крыму. Нас мало, но красный флаг, взятый с истребителя, с нами.

На южном берегу Крыма десантный морской отряд с истребителя МИ № 17 развернул этот флаг. Крым стал Советским.

В Керченском проливе.

Было это так недавно и вместе с тем так давно. 1920 год. Черное море. Пьянящая хмельная радость победы. Крым—наш. Врангель разбит.

По весеннему сияет зимнее декабрьское солнце, заливая солнцем Севастопольскую бухту. У пристани

стоит турецкая моторно-парусная шхуна. Такая маленькая, что если вы вздумаете прилечь на баке, погреться на солнышке, то ваши ноги будут доставать ют. На мачте пурпур флага. Звезда и полумесяц. Мы глядим на флаг и улыбаемся,—лучше бы, мол, без „небесных светил". Турок-матрос в бараньей шапке, скаля зубы, точно поняв нашу мысль, гортанным голосом говорит:

— Осман большевикляр, урус большевикляр, хепса... якши кардашляр! (Турки большевики, русские большевики—все вместе... хорошие товарищи).

Садимся у рубки, маленькой, как спичечная коробка, и завязываем беседу на удивительном жаргоне: три русских слова—два турецких. Жестикуляция добавляет недосказанное.

Вечером на шхуне выйдем в море. Переход предстоит довольно большой. Зайдем в Ялту, Феодосию, а оттуда в Новороссийск, родной, милый Новороссийск, где завывают сейчас ледяные норд-осты.

Прощай, нет, лучше до свиданья, Севастополь, город белых домиков с красными черепичными крышами. Мы пришли издалека и принесли тебе свой лучший дар—Советы. Теперь мы возвращаемся к другим берегам—на Кавказ.

Багряной полосой горит закат. Легкая зыбь покачивает шхуну. Севастополь остался за кормой. Еще чуть слышна музыка Приморского бульвара, но всплески набегающих пенных волн и стук мотора, отрегулированного, как хронометр, заглушают ее. Сумерки на юге коротки, и черная южная ночь с миллионами звезд поглотила маленькую шхуну в море. Быстрый и шарящий луч прожектора поймал нас за Херсонесским маяком. Поймал, ослепил на несколько секунд, и снова мы во мраке. Скорее угадываешь, чем видишь темную полосу берега с левого борта. Мерцают далекие огоньки.

Государств. публичная
историческая
библиотека

Приятно укачивает, и дремотные видения, какие-то хорошие, неопределенные, смутные проносятся в голове.

А утром Ялта—жемчужина Крыма,—красавица Ялта. Опустевшая, потускневшая, но все-таки не потерявшая всей своей прелести. Идем на берег. Южная, колоритная толпа. На набережной оживление. Масса красноармейцев, и только кое-где мелькают синие воротники и георгиевские ленточки моряков.

Как странно—георгиевская ленточка—цвета царского штандарта—и так долго и упорно носится моряками.

Но она, ведь, окрашена кровью. Эти георгиевские ленточки наводили ужас на белых „эскадронцев" в Крыму, на гайдамаков в Одессе, их видели—эти вьющиеся георгиевские ленточки—под Курском, Белгородом, по всей Украине, на Волге, на Кубани. На всех фронтах. Долго не расставались с ними черноморцы, а потом сразу надели другие—черные.

Долго бродили мы по городу и только вечером, когда зажглись огни, вернулись на шхуну.

Мы снова в море. Погода свежеет. Нашу шхуну так качает, что если бы все ее движения могли быть записаны каким-нибудь прибором, подобным сейсмографу, то получился бы чудовищно запутанный клубок переплетающихся линий.

На этой скорлупе мы „держали на восток, и только на восток". Каждые несколько секунд волны окатывали шхуну, но она упорно вздымалась на гребни волн и шла вперед, медленно шла. Так прошел день, другой, третий, четвертый. В штормовой завесе не видно берега. Ревет и гудит Черное море. А наверху один только рулевой. Маленький, ничтожный человек, против стихий, но как упорен этот маленький, ничтожный человек в этой борьбе.

Где мы? Это трудно сказать. Где-то у Керченского пролива, наверное.

Выдержит ли шхуна этот шторм?

Аллах знает!—отвечают турки.

Мы лежим в маленьком кубрике, стукаясь все время о борта. То погружаешься в дремоту, то, проснувшись, куришь и обмениваешься несколькими словами с кем-нибудь. В трюме показалась вода. Цепляясь, за что попало, выбираемся наверх и начинаем ручной помпой откачивать. Потом нас сменяют другие.

На пятый день погода стала утихать. Из-за туч брызнули лучи солнца, и слева показался берег. Мы в Керченском проливе.

Почти никто не обратил внимания на донесшийся странный стук. Потом опять эти звуки. Заполоскали по ветру паруса. Перебиты шкоты... Строчит пулемет. Рулевой распластался на палубе и поднятой рукой удерживает штурвал.

Кто-то лезет в канатный ящик. А капитан беззвучно шепчет молитвы Аллаху.

Очень неприятно, когда вас расстреливают, да еще в море. Вода зимой холодная... вспоминаешь, как „купался" в ту войну... и ледяная жуть охватывает всего.

— Поднимите флаг!

Никакого успеха. Красный со звездой и полумесяцем флаг трепещет по ветру, точно от страха.

Воет ветер, низко бегут тучи, соленые брызги воды обдают палубу, и щелкают пули. С берега доносится металлическое убийственное татакание пулемета.

Потом чья-то фигура появляется на самом берегу. Бежит и машет руками.

— Семафорят! [1])

В этом спасение! Вспоминаешь забытый семафор и впиваешься в фигуру, которая размахивает руками.

---

[1]) Семафорить—сигнализировать 2 флажками, в данном случае просто носовым платком и фуражкой. Каждой букве соответствует особое положение рук.

— К-у-д-а и-д-е-т-е...

Встал на рубку и, перевирая буквы, начал отвечать. В одной руке платок, в другой фуражка с ленточкой.

„Ясно вижу".

Между нами и берегом протянулась ниточка связи. Стрельба прекратилась. Несколько минут переговоров, и все выяснилось. Пост службы связи отпустил нас с миром.

Повеселевший турок—рулевой, что-то говорил мне и смешно махал руками, подражая семафору.

— Да, кардаш, не семафор бы, крышка, капут!

— Симафор, урус якши...

— Якши, якши, в Новороссийск надо... с курса не сбивайся!

Бушлат матроса Семененко.

Шестые сутки парился на чердаке Семененко. Поглядывал в окошечко, понуря голову, снова забивался в свой „куток", под какие-то пустые ящики. Видна была в окошечко бухта, горы, ряд пристаней, белые домики — только не было видно кораблей. Потоплен флот [1].

Своими руками Семененко открыл кингстоны на „Фидониси" и, выбежав на верх, бросился в поджидавшую его шлюпку. Последний раз глянул на родной эсминец, погружавшийся в воду... Видел, как вместе с „Фидониси" тонули и остальные суда.

Все вспомнил сейчас Семененко и проклял ту минуту, когда он решил остаться здесь, в Новороссийске. Товарищи, после потопления флота, на Север уехали,

---

[1]) 18 июля 1918 г. в Новороссийске была затоплена моряками часть Черноморского флота для того, чтобы не сдать ее Германии.

а он, стыдно сказать, решил отдохнуть — послужил 5 лет и будет.

Белые, как пришли, сразу на вокзале шестерых матросов повесили.

Понял тогда Семененко, что если и отдохнет он, так только покачиваясь где-нибудь на фонаре.

Белые матросам „скидки" не делали. Весь Новороссийск затрясся в ужасе, когда белые взялись за оставшихся в городе матросов. Рубили их „на капусту", на молу расстреливали, вешали... Стоило только сказать кому-нибудь — „это—матрос"—и тот, на кого указывали, был „готов". Остервенелые белогвардейцы обшаривали весь город в поисках матросов.

Семененко спрятался. Второпях залез куда-то на чердак... Сидел на чердаке и изнывал от зноя и жажды. Есть он не мог: сухие, как дерево, груши и яблоки, валявшиеся на чердаке, не лезли в горло.

— Двум смертям не бывать—одной не миновать... Надо выбираться!—решил Семененко.

Безнадежное это было дело — выйти в город в форме матроса, но Семененко не раздумывал.

— Ночью не заметят, куда-нибудь подамся,—таков был его простой план.

* * *

Темна июльская ночь... В городе огни потушены. Дрожат новороссийские обыватели, забились по своим домам. Выстрелы то тут, то там раздаются:—искореняют красных офицеры и казаки.

Крадется Семененко по каким-то огородам, садам и пустырям. Припадает к земле, когда заслышит чьи-нибудь шаги или голоса. Лежит, как мертвый, затаив дыхание... Потом снова крадется—подальше от города, в горы, в лес... Там—спасение, там голод не страшен.

Дикая яблоня, груша, кизил, вишня есть, виноградники—кругом, да и крестьяне помогут.

— Стой, кто идет?..

Замер Семененко. С перебоями забилось сердце.

Ну, все равно.

— Свой!

— Кто—свой? А, ну, подходи!

В лицо чиркнула спичка.

— Эге! Да здесь матрос! Вот—герой,—по городу гуляет...

Казаки засмеялись.

— Здесь рубить будем?

— Не, поведем к морю! Пусть в море плавает,—это его дело!

Семененко повели к морю. Уже светало. На востоке—за горами—небо было бледно-заревое. А когда пришли на пристань, на ту самую пристань, у которой семь дней тому назад стояли эсминцы, было уже солнечное утро.

— Молись, чортов сын, проси за грехи!—проговорил старый казак, пробуя затвор винтовки.

Молчал Семененко... Умирать не хотелось, так глупо, просто...

— „Я спасусь“...—была одна мысль...

Семененко снял бушлат.

— Братцы-казаки, возьмите, тут деньги в подкладке зашиты, вам пригодятся—николаевскими тысячи три...

Казаки схватили бушлат. Казаки любят деньги. Шашкой вспарывать стали подкладку . . . . . .

. . . . . .

— Держи! Ах! Стреляй!

Брызги высоко поднялись, достали до пристани. Семененко нырнул. Пловец он был отличный.

Метались два казака по пристани, палили в воду. Семененко не было видно.

— Потонул, верно, — ишь, пузыри по воде идут. Сволочь он, денег в пиджаке нету.

Взяли казаки бушлат, и пошли с пристани.

Под пристанью у свай, тихонько плыл Семененко. Там, где пристань упирается в берег, он залез под темные своды...

На вторую ночь Семененко пробрался в горы.

* * *

В 1919 году в окрестностях Новороссийска самым страшным и неуловимым партизанским отрядом „красно-зеленых“ был отряд с Перевала. Белым он не давал жить: исчезали их обозы, караулы, исчезали посланные верховые, перерезались провода...

В этом отряде был Семененко.

Необычная „елка“.

Находившийся на самом правом фланге разведочной партии Хохряков, шлепая по талому снегу в дырявых валенках, размышлял о превосходстве морской службы над пехотной.

— Ищи тут этих проклятых белых, а они, наверное, еще верст на тридцать назад дали и ничего не... тьфу, ч-чорт!..—Хохряков провалился в яму.

Выкарабкавшись из нее, он встряхнулся и хотел было итти дальше, как вдруг услышал в стороне звуки, какие бывают всегда при рубке деревьев. Хохряков насторожился и стал прислушиваться.

Услышавшие тоже эти звуки другие разведчики спешили в сторону Хохрякова.

Дело есть!..

— Подожди, может, это крестьяне лес рубят...

— Забирай вправо, обойти надо!..

Сквозь чащу мелькнуло что-то серое. Подобрались ближе и никаких сомнений уже быть не могло—белые.

— Ты—того, я—этого,—без шума...

Так и сделали.

Тут же и других захватили—таким же порядком. И пару саней взяли.

— Ну, откуда и кто такие?—начал допрос начальник партии.

— А-ва-ва...

— Да ты по русски говори,—чего дрожишь!

В конце концов добились толку. Оказалось, что захвачены солдаты одного белогвардейского штаба, находившегося неподалеку в имении. Заняты они были рубкой елок для господ офицеров.

— К празднику, к рождеству, то-ись...—об'яснял подбодрившийся солдат.

— Так.

Недолго раздумывали разведчики.

— Ну, а много их там—этих господ офицеров-то?

— Душ десять, ей-богу, не боле, душ десять.

— А если врешь, знаешь, что будет?

Солдат молчал, боясь выговорить страшное слово.

Минут через десять, пара саней с наваленными елками тронулась в путь. Разведчиков не было видно. И только на поворотах, когда сани встряхивало, из-под елок было слышно.

— Ну, ты, земляк, легче, а то разобьешь!

Солдат придерживал коней.

К имению под'ехали благополучно. Часовой, подошедший к саням, высунувшейся из-под елок рукой был так стиснут за горло, что не успел даже пикнуть.

— Трогай дальше. Поспевай к празднику!

Как потом уверял Хохряков, все обошлось бы без выстрела, если-бы „этот длинный золотопогонник“ не пустил бы в него стулом.

Делать было нечего, не уговаривать же его,—взял, и шлепнул!

Необычно прошел рождественский праздник в имении. Провалился, как сквозь землю, поп, приехавший „служить". И вместо „службы", в господских комнатах собрались не ступавшие в них никогда батраки. Они были созваны моряками на первое выборное собрание в комитет новой „Сельско-хозяйственной Коммуны", как стало называться в ночь на 25-ое декабря имение графа Бобринского.

Осторожность спасла.

— Что ты сказал,—„осторожность это почти трусость"? Осторожность часто равноценна храбрости, а в некоторых случаях выше ее!

— Ну, проповедуй! Нужна всегда быстрота, решительность, натиск...

— Спор бесполезен. Чтобы убедить тебя в том, что осторожность — необходимейшее качество, я расскажу тебе одну историю. Вот, слушай... Дело было в 1919 г. на Каспийском море. Наша Каспийская Красная флотилия вела борьбу против англо-белогвардейской флотилии. В начале июля два наших эсминца вышли из Астрахани, где была база флотилии, в море. После похода, не встретившись с противником, эсминцы возвращались в Астрахань. Было по радио получено распоряжение задержаться в море в районе островов устья Волги. Эсминцы, получив радио, стали в указанном месте на якорь.

Близкого присутствия противника никто не ожидал, и несколько человек было отпущено на берег. В это число попал и я. После похода можно было поразмяться на островах, побывать в гостях у рыбаков, выкупаться...

Сошло на берег немного людей,—все-таки разные неожиданности могут быть.

Пришли в рабочий поселок. Зашли в одну хибарку, разговоры завели о том, о сем. Народу собралось порядком.

Кто-то спиртом нас угощать стал. Каюсь, дернули по стаканчику, повеселели... Гармонику притащили рыбаки, песни поют, за остальными нашими посылают.

Среди этого веселья трогает меня мой друг за плечо и говорит:

— Видишь, два зуба у меня выбиты?

Отвечаю:

— Ну, вижу!

— Знаешь, кто их выбил? Старший офицер с „Жуткого"...

— К чему это ты ведешь?

— А к тому, что вон он в углу сидит...

Обалдел я. Спьяна это он, что ли?

А он руку мою стиснул и говорит:

— Виду не подавай—тут дело темное, рыбаки подозрительные... спирт... уходить надо...

Подумал я, что можно бы арестовать подозрительных—и за наганом уже потянулся. Тут мысль стукнула:

— А как же корабли-то? предупредить надо!

Выбрались мы незаметно, и—ходу.

Прибежали к берегу—на шлюпку и—на корабль. Другие наши далеко не ходили, вернулись уже. Подумали там и решили сниматься. Чорт знает, что тут на острове происходит!

Ушли.

А дня через два в море рыбака одного подобрали. От него и узнали в чем дело.

Оказывается, белогвардейцы захватили остров, рыбаков „убрали" и решили подловить какой-нибудь наш корабль. Как раз к острову мы пришли. Опоить вы-

садившихся на берег, а потом перебить их и захватить корабли,—вот, что думали белогвардейцы.

Номер не прошел, как видишь.

А почему? Потому, что мы осторожны были. Во-первых, на берег высадили только несколько человек, а во-вторых, на острове не подняли полундру, а осторожно, незаметно ушли и предупредили своих.

А что было бы, если б мы действовали по-твоему—„быстро, с натиском"?..

Пошлепали бы нас белые на месте, а потом ночью на шлюпках отправились бы к кораблям и захватили бы их врасплох.

Ну, так понял теперь, что осторожность не трусость, как ты говорил?!

---

1 мая.

Еще недели за две до 1 мая команда „Республиканца" начала праздничные хлопоты. Каждый день посылали ходоков в Политотдел—насчет „красной материи и прочего". Комиссар писал свои тезисы и готовился к большой речи. Ребята хлопотали насчет майской „робы", и всю получку ухлопали на пошивку белых брюк и белых ботинок. Простыни и часть „майданов" по сему случаю исчезли.

— Одно слово—форма № 1. Гляди публика и поражайся!—с треском хлопал ладонью по столу „духа".

— Поддержим фасон с музыкой, ого-го!

— Изо всех первые будем!

— Весь город залюбуется...

Да, читателю нужно сообщить о времени и месте описываемых приготовлений. Дело происходило в Мариуполе, в конце апреля 1920 г., в Азовской военной флотилии. Времена „недоразумений" с Врангелем.

Приготовления заканчивались к сроку. Запоздавший портной получил предупреждение, что если к 30 апреля он не представит заказанных ему брюк, то „без всякой первомайской амнистии огребет полундру“.

Но все сошло благополучно.

Утро 1 мая было солнечное, штилевое.

На демонстрацию команда „Республиканца“ вышла в таком порядке и в таком сногсшибательно-ослепительном виде, что затмила все остальные команды.

На „Республиканце“ с горечью в душе, осталась только пара вахтенных.

Ну, безусловно, ребята с „Республиканца“ были героями дня. Комиссар их такую речь сказал! Шутка—целый час—и международное и внутреннее положение, и задачи Красного флота на предмет боеспособности, и закончил так:—„Будем зорко стоять на чеку, готовые отразить наглые нападения всех империалистов всего мира“.

„Ура“ гремело.

А у стенки, где стоял „Республиканец“ (другие суда стояли далеко, в другой стороне) и где вахтенные глядели в бинокли на город, а не на море,—вышла такая штука.

Сначала—дымки, потом реи, мачты, словом, все, как всегда полагается при появлении судов из-за горизонта.

По праздничному настроению не доглядели. Ни с „Республиканца“, ни с других судов. Схватились только тогда, когда белые подошли к самой стенке.

Вахтенные туда-сюда - гайка отдалась и—на берег.

Белые—тоже на берег, топором швартовы „Республиканца“ раз-раз, буксир завели и—до свиданья!

Для праздника еще постреляли по берегу.

Пока команда „Республиканца“, заслышав стрельбу, прибежала к берегу (в майском—форма № 1, весь город любуется, фасон с музыкой и т. д.)—белые далеко ушли.

Кто-то сорвал с себя ленточку и сказал:—„Пошел в пехоту!“

— Другой:—„Допраздновались!“

Остальные угрюмо молчали.

А комиссар блуждал взором по горизонту и думал: „1 мая... позор... стоять на чеку... готовые отразить“...

II.

В мировую войну.

В кольце произвола.

Ровно гудят моторы, пенится кильватерная струя. Хорошо сегодня в море: штиль. Не видно дыма на горизонте, ни паруса.

— Боятся нас турки. Больше по ночам норовят ходить,—говорит вахтенный сигнальщик.

А вдали темная полоска Анатолийского берега.

Высунулся из люка моторист, потный весь, красный, и на воду смотрит: верно, выкупаться хочет. Выкупаешься тут на тридцати узловом ходу.

Лезут в голову разные думки. Почему откидную рубку на истребителях не устроят? Вот, в такую погоду, рубку откинул бы—и стой у штурвала, ветерок обвевает, одно наслаждение. Засвежело — поднял рубку, и опять благодать: ни волна, ни ветер тебя не достанут.

— Как на румбе?!—прервал мои размышления строгий окрик.

— 230!—и я вернулся к действительности. Нехорошо на вахте размышлениями заниматься, всегда с курса собьешься и неприятность получишь.

Куда идем, зачем идем—неизвестно. Нам никогда ничего не говорят. Наверно, опять к Синопу—фелюги ловить. Вот стемнеет, тогда не зевай.

Сменился я с вахты, выспался. Курс сменили; идем к Трапезунду. Берега держимся. В бинокль сигнальщик посматривает, не отрываясь.

Опять турецкие позиции пойдем обстреливать. Скучное дело. Ну, какой толк: выпустим по скалам ленту—другую из пулемета, ящика два снарядов, повертимся у берега и—уйдем...

Чем развлечься? Давай азбуку Морзе глазами разучивать. Правым мигнешь—точка, левым—тире. Мигал, мигал.— надоело. Стал своих тараканов в коробочке хлебом кормить. Покормил, тоже надоело.

Вышел наверх. Берег совсем близко. Вот, если из пулемета турки запустят, неважно будет. Насквозь продырявят, с ручательством,—наш корпус, ведь, деревянный, легкий.

Вглядываюсь в берег. Вон, за камнями перебегает кто-то; остановился, машет руками... семафорит.

— Семафор с берега!

Застопорили моторы.

Командир глядит, и сигнальщик глядит, и я гляжу.

— На, отвечать будешь!—сунул мне флажки сигнальщик.

— Отвечай: „ясно вижу".

— Ни чорта я не вижу; тебе-то в бинокль видно!

Но это я ответил про себя.

Минут пять семафорили с берега. Потом мы передавать стали. Ну, тут все понятно: „С-е-й-ч-а-с п-р-и-ш-л-е-м в-а-м..."

Чего, кого пришлем—вот интересно... Поглядел на меня командир, нос по привычке почесал и говорит.

— На берег отправишься, сигнальщиком там будешь, живей собирайся!

— Есть, ваше благородие!

Здорово... Совсем это штука не интересна. Делать нечего, хочешь—не хочешь отправляйся. Спустили тузик [1]). Уселся я с одним комендором, взялся за весла.

---

[1]) Тузик—маленькая шлюпка в 2 весла.

— Разрешите отваливать, ваше благородие?!

— Отваливай!

Поднавалился, и скоро прямо на берег выкинулись.

— Ну, счастливо! действуй тут!

— Ладно... В случае чего ты это... Ну, адрес мой знаешь.

Остался я на берегу; прикомандирован ко 2-му морскому батальону. И то хорошо, хоть ребята свои—матросы. Явился к ротному командиру. Так, мол, и так, прибыл и так далее,—по всем правилам отрапортовал. Присмотрелся. Окопчики дрянные, одно название. Ребята—кто спит, кто что греет, кто вшей бьет,—на берегу живо наберешься этой дряни. Телефонисты в отдельном окопчике. Зачем я здесь нужен, не понимаю. Так дипломатично под'ехал: что, мол, как дела, да успехи, что слышно; и между прочим, насчет сигнальщиков.

— Вот, видишь: крестик на могилке,—убило у нас вчера сигнальщика, вот тебя и прислали.

Пропала у меня охота разговаривать. Могилка в голове вертится.

Настала ночь—самое опасное время здесь на позиции. Никто не спит. Там выстрел щелкает, в другом месте щелкает. Какой тут сон, когда турки могут наскочить каждую минуту. Разведчики ушли вперед. Каждую ночь ходят, отчаянный народ, недаром с „плавучки“ [1]).

На заре я задремал, но не надолго. Слышно кто-то стонет. Подошел поближе, смотрю: лежит наш телефонист, с которым вчера разговаривал.

— Что с тобой.

— Плохо мне, мутит...

---

[1]) Плавучка.—Плавучая тюрьма.

Дал ему воды из фляжки. Попил он, закрыл глаза. Лежит, тяжело дышит, бледный весь.

Подошел ротный, три звездочки — лейтенант. Посмотрел на телефониста, говорит:

— Пойди-ка линию проверь.

А тот только пошевелился.

Выругался лейтенант крепко. Не слыхал я еще, чтоб так ругались. Подошел поближе и толкнул больного ногой в бок:

— Ну, вставай, ты, ракушка дохлая.

Взял я под козырек, и говорю:

— Больной он, ваше благородие.

— Не разговаривать,—заорал на меня лейтенант.

А я не могу молчать:

— Его в тыл отправить надо, в госпиталь...

Но не докончил я. Трахнул меня лейтенант в лицо, по носу.

— Фельдфебель! Мельник!

Явился фельдфебель. Усатый, старый, крестик на груди.

— Поставить этого мерзавца на 2 часа под винтовку.

Лейтенант чуть-чуть мотнул головой в мою сторону.

— Есть!

— Над окопом поставить!

Молчит фельдфебель.

— Ты что, не слышишь! Что я сказал?

— Виноват...

Замер я. Стою, а в рот что-то соленое из носу ползет.

Дали мне ранец, сумку, лопатку, прицепили патронов—штук двести, винтовку...

— Становись! На пле-чо!

Взял я на плечо. А фельдфебель в окоп спрыгнул. Жаркий день был, пить хочется. Плечи режет. Стою и вперед смотрю, на турецкие позиции. А направо море расстилается, и дымок чуть виден на горизонте.

— Так-тук. — Щелкнула пуля. Наверно, шальная. А жить так хочется. И голова кружится. Сколько прошло времени...

— Дзи-у — протяжно свистнула еще пуля. Наклонился я. А если в лоб? За что убьют...

Затекла рука, тяжело держать винтовку. В глазах рябит море, как расплавленный металл, потом круги разноцветные поплыли и звезды.. Звезды, такие, как у него на погонах...

Зачем все вертится кругом—и берег и море?..

Очнулся я в окопе. Кто-то лил мне воду на голову. В ушах шум какой-то тихий, звенящий.

А потом вернулся наш истребитель. К берегу подошел тузик, и я снова был на своем родном быстром катере.

Снова началась прежняя служба. Менялись погоды—штиль и шторм. Мы все ходили у Анатолийских берегов. Но я никогда больше не ходил на береговые позиции.

Прошло пять лет. Но быстро промелькнули эти годы. Черное море, революция, потом началась гражданская война, отряды флотилии, снова отряды. С фронта на фронт, и в вечном стремлении к морю.

1920 год. Запись добровольцев для десанта в тыл Врангеля, в Крым. Набирают команду на истребители. Надо записаться.

Недолго готовились. Вышли в море и—к вечеру у крымских берегов. Знакомые очертания гор, знакомые огни маяков. Высадка, и мы в горах. Нас немного—человек 20, но мы многого стоим. Мы в Красно-зеленой армии [1]), а с севера—Красная армия. Врангеля разбили.

---

[1]) Повстанческая армия.

И снова мы в Севастополе. Снова идем по улицам, усаженным акациями, и бухта зеркальной гладью под нами.

— Чье это такое знакомое лицо?..

Пытаюсь вспомнить... Долго не могу.

Стой! Анатолийские берега, поход к Трапезунду...— это тот лейтенант... Тот самый.

И крепко сжимает рука ручку нагана. Догоняю его.

— Стой!

Остановился, смотрит.

— Помнишь 15-й год... 2-й морской батальон... Сигнальщик с истребителя под винтовкой над окопом,— помнишь...

Бледное стало у него лицо, запрыгали губы и глаза растерянно бегают.

— Помнишь...

Расширились от ужаса глаза перед черным дулом нагана.

— Я тогда стоял под дулами турецких винтовок... долго стоял...

Мелкой нервной дрожью предсмертного страха трясется он.

— Убить сразу?—мелькнула у меня мысль.

Взглянул на него—и медленно опустилась рука: такой жалкий он, трусливый... Не стоит он и одного патрона.

— Иди!

Попятился он, с'ежился и повернулся.

Ну, иди!

Он стоял и ждал пули в затылок.

Я повернулся и пошел к Приморскому бульвару.

Первый поход „Краба“.

Задолго до начала империалистической войны в русском флоте начал строиться подводный заградитель „Краб“.

Это был первый опыт постройки корабля подобного типа, и он имел много конструктивных недостатков. К тому времени, как он еще не успел закончить своих испытаний, потребовали его срочного выхода в море. Это было тогда, когда в строй входил первый дреднаут Черноморского флота „Императрица Мария“.

Не желая подвергать опасности дреднаут, командование решило послать „Краба“, хотя он еще не был готов, поставить мины заграждения в Босфоре, южнее входных маяков, поперек всего пролива.

Приняв почти полный запас мин—60 штук и 4 мины Уайтхеда, „Краб“ вышел из Севастополя, рассчитывая днем открыть Босфор.

Первым условием задачи была секретность. Нельзя было быть открытым, так как тогда пропадал весь смысл операции. Поэтому, погрузившись в 15 милях от пролива, „Краб“ решил войти в него в сумерках.

Лодка изредка показывала перископ. Шли 4 узловым ходом, все время измеряя глубину.

На 3-ем часу обнаружилась одна из самых неприятных сторон этого корабля, которая болезненно отзывалась на команде. Двигатели надводного хода работали на керосине, и при погружении пары керосина заполняли кормовую часть лодки и начали проникать в нос и в рубку. Становилось трудно дышать, керосиновые пары ели глаза, у команды появилось слезотечение. Начиналась сильная головная боль, головокружение, отнимавшие ясность соображения, столь необходимую при боевой обстановке.

Люди стали терять сознание. Наиболее крепкие продолжали свое дело. Воздух накалился до невозможности.

Керосиновые пары могли воспламениться от электрических искр при размыкании и замыкании рубильников. Положение было довольно неприятное. Всплытие над турецкими батареями ничего хорошего не обещало.

Но все напрягали свои силы, чтобы довести дело до конца.

Заметив сторожевое судно, „Краб“ погрузился на 100 фут. и прошел под ним. Уже стемнело, когда „Краб“ начал постановку. Оставалось поставить только 2 мины, как сильный удар потряс все судно. Лодка накренилась и с большим диферентом пошла на глубину. Со столов, коек посыпались вещи. Часть лампочек потухла. Глубомеры показывали 150 фут. Три последовательных удара в носовой части показали, что лодка наскочила на подводную скалу. Очевидно, сильное Босфорское течение снесло лодку.

Продув аварийную цистерну, командир всплыл. В темноте ничего не было видно.

Погрузились снова.

В это время лодка перестала слушаться горизонтальных рулей. Выбросив 2 последних мины, „Краб“ намеревался атаковать сторожевое судно, но, не будучи уверен в целости носовых минных аппаратов, отказался от этого.

Невероятно тяжелая атмосфера в лодке заставила выйти из пролива и всплыть для того, чтобы очистить воздух. Как только был открыт рубочный люк, потерявшие сознание люди были вынесены наверх и приведены в чувство.

„Краб“ выполнил поручение. Наш дреднаут благополучно прибыл в Севастополь. А через 3 дня, при выходе из Босфора, подорвался германо-турецкий крей-

сер „Бреслау“, который не появлялся потом в море в течение нескольких месяцев.

Пять раз перед смертью.

Нас собралось человек шесть. Четверо „малосольных“ — комсомольцы — из Учебного Отряда недавно пришли,—рулевой Сагура и я. Сагура—моряк старый, плавал еще тогда, когда нынешняя молодежь по лужам кораблики пускала. Ну, а я, да что о себе говорить,—тоже послужил.

Устроились мы на палубе, закурили (сами знаете, у нас на подлодках только наверху курить можно). Завели разговор о том, о сем. Немножко о политике, немножко о своих делах. И вдруг, ни с того, ни с сего, один из молодых и заявляет:

— Не служба на этих лодках, а каторга! Тесно, темно... Воздух скверный.

— Еще что?—спросил Сагура.

— Опасно, по правде сказать: фут на 100 как погрузишься, так...

— Богу молиться хочется?—перебил Сагура.

Я заметил, что старик начинает терять терпение.

— Нет, но...—молодой замялся.

Я человек молчаливый, а интересные разговоры послушать люблю. Особенно, когда Сагура говорит. Рассказывать начнет—куда там!

— Так вот, насчет теперешней подводной службы, изволили вы, дружочек, заметить, что она каторжная,—обратился Сагура к тому молодому, который начал разговор.—Маленькую справочку, если навести о вашей флотской службе, то окажется, что вы проплавали 3 месяца. Ну, а я проплавал чуточку больше, так мне чуточку больше о подводной службе и говорить можно.

Мне показалось, что перископ своим стеклянным глазом так серьезно посмотрел на молодого.

— Дальше,—продолжал Сагура,—про наши теперешние лодки я говорить не стану. Квартира, освещение, отопление—словом все удобства; прямо, как для экскурсий сделаны.

А вот про службу на старых лодках расскажу.

Обретался я во время войны в Черном море на подводном заградителе „Краб". Что ни поход—целая пачка неприятностей. Об'яснялось это „особенной" конструкцией лодки. Не конструкция, а недоразумение. Я бы того инженера, который „Краба" строил, в наказание заставил бы один поход на нем сделать. Лучшего наказания не придумать.

Самым гиблым делом были керосиновые моторы Кертинга. Часа 2—3 поработают — удушливый керосиновый газ заполняет всю лодку. Слезятся глаза, болит голова, начинается тошнота, дышать трудно.

Кого в подплав прежде назначали, сами знаете, в любой чемпионат хлопцы годились. А на „Крабе" несколько месяцев проплавают и—на врачебную комиссию.

Вдобавок время военное—походы и походы. Если рассказать про все эти походы, получится тысяча и одна ночь мучений. Я вам только про один поход расскажу.

Последним был этот поход. Получили предписание итти к Варне (так, портишко болгарский) мины ставить. Вышли и как раз к началу шторма—точно он нас поджидал. Мотористы закачались, за моторами уже не так следили. 2 мотора застопорились. Шли под одним. Безногий, пожалуй, даст больше ходу, чем мы давали.

Только я с вахты сменился, как вертикальный руль заклинило. Побелел командир. Лодку лагом к волне поставило, кренометр 55° показал. Легли на борт...—

Ну, пришла пора умирать, а белье-то не переменил!— подумал я. Подержалась лодка на борту несколько секунд, — тогда часами показалось, — потом медленно выровнялась.

Везло все-таки „Крабу"!

Механик доложил, что нужен ремонт. Потопали в Констанцу (тоже портишко, только румынский). Отдышались мотористы и за исправления взялись. А тут поторапливают нас. Срочно... Так нас и потащил в море один миноносец на буксире. Ремонт в море закончите!—так приказали.

Неожиданно немецкий гидро налетел. Миноносец буксир отдал и—ходу. Из аэро-пушек в небо бьет, а сам прибавляет. А мы на волнах покачиваемся, как мишень и буксир 100-саженный у нас запутался. Гидро бомбу за бомбой кладет, снизился. Но, наверное, немецкий летчик молодой, горячий был и прогорячил нас. Ни одна бомба не попала. Словом, летчик нас обкладывал бомбами, а мы буксир выбирали. Удивительный аврал был.

Повернули, наконец, назад. Раз лодка открыта, какой смысл итти? Только мы дух перевели, как на нас опять гидро, да не один, а целых 4. Успели погрузиться. Пока погружались, 36 взрывов насчитали. Некоторые заклепки и обшивка дали течь.

Отделались дешево.

Только мы вернулись: нам—«идите обратно: мины сами не поставятся». Пошли.

И вышло тут такое дело, о котором узнали мы только потом.

Командир наш для сокращения пути решил итти *под неприятельским минным заграждением.*

Никто об этом, кроме него и старшего офицера, не знал.

Идем. Время от времени всплываем, осматриваемся. И при одном всплытии послышалось легкое шуршание по борту. В иллюминатор рубки мы увидели мину, которая медленно проползла к корме. Еще несколько секунд и—взрыв. „Краб“ нашел бы могилу. Но „Крабу“ всегда везло. Пронесло!

Поставили благополучно свои мины, но обратно пошли уже не под неприятельским минным полем. Нельзя испытывать судьбу.

Отошли от берегов далеко и всплыли. Оказался крен на правый борт. Значит мины правого борта вышли не все. Осмотр в свежую погоду делать было некогда, заполнили цистерну левого борта и топаем дальше. Пришли в Севастополь и ахнули.

Оказалось, что в начале похода, в шторм, одна из мин правого борта соскочила с рельс минного элеватора, накренилась, и часовой механизм ударного приспособления отработал. Нужен был только небольшой силы удар, чтобы все полетело на воздух.

Шутка сказать—у нас было 60 мин.

Сагура замолк. Молодежь тоже молчала.

— А ты, дружочек, говоришь, что теперь служба подводная—каторга.

Мало ты понимаешь!—добавил Сагура.

Между двумя смертями.

— Если у вас есть охота послушать меня, то я расскажу, как однажды наша подлодка „Акула“ делала выбор между двумя смертями.

В ответ на это обращение молодежь загалдела хором:

— Просим...

— История эта произошла 10 лет тому назад, в начале германской войны.

„Акула“ была послана на разведку к острову Готска-Санден, где, по полученным сведениям, показался противник.

Рано утром у шведских берегов напоролись на два немецких миноносца. Сигнальщик задремал, или что другое, только заметили их, когда расстояние было 1—2 кабельтовых (сажен 100—200).

Миноносцы бросились таранить, „Акула“ бросилась погружаться. На ходу мину выпустила. Спастись удалось.

На глубине оправились от неожиданности и пошли обратным курсом.

В это самое время в лодку через сальники гребного вала стала просачиваться вода, грозившая подмочить электромоторы. Пустили в ход вспомогательную помпу и стали качать воду за борт.

Часа через два поднялись и показали перископ. Миноносцы оказались за кормой. Снова погрузились. Через полчаса опять показали перископ. Снова та же история.

Стали менять курсы, но каждый раз, как только поднимались, миноносцы были тут, как тут.

Жутко стало всем. В чём же дело?

Долго ломали голову, и уже отчаивались в благополучном окончании похода, как вдруг один моторист сообразил, что причиной преследования миноносцев должно быть машинное масло, выкачиваемое вместе с водой за борт.

— След оно дает, а по следу нас немцы и гоняют!

Вот тут-то и поняли все, что надо делать выбор между двумя смертями.

Прекратить откачивание воды, значит — испортить электромоторы, потерять плавучесть и навсегда уйти на дно. Не прекращать выкачивать — миноносцы застукают.

Выбрали первое,—решили рискнуть,—может быть, повезет. Так и сделали—остановили помпу, легли на другой курс. А вода все прибывает, еще немного—и крышка. Воздух портиться начал в лодке—уже часов семь под водой. Аккумуляторы почти разрядились.

Наконец, поднялись, огляделись и отлегло от сердца—чист горизонт. Спаслись...

А, если б не догадливый моторист, по иному дело повернулось бы. Знал парень свою специальность тонко—во все вникал...

Служба подводная.

I.

Во второй половине ноября 1914 г. подлодка „Акула" взяв с собой впервые на палубу 6 - 8 мин заграждения с особыми приспособлениями, вышла в район Данцигской бухты. Долго ждали ее возвращения, но она не вернулась.

Два года судьба ее оставалась неизвестной. Только в конце 17 года были получены от немцев сведения о гибели „Акулы".

Во время своего пребывания в Данцигской бухте „Акула" появилась перед самым городом, всплыла и из своей маленькой 37 m/m пушки обстреляла город.

Как раз в это время, германская императрица посещала госпитали города. Поднялся переполох и началась погоня: миноносцы, тральщики, катера, гидро бросились на поиски.

„Акула" успела погрузиться и уходя, встретив по дороге германскую канонерку, утопила ее миной.

В течение нескольких часов шла погоня за „Акулой". Она пыталась всплывать, но атакованная со всех сторон, должна была немедленно погружаться.

Так было несколько раз. Наконец, в последний момент ее видели всплывшей до половины и с большим креном на левый борт. Вскоре она погрузилась, чтобы никогда больше не всплывать.

II.

Весной 1915 года подлодка „Окунь" находилась в открытом море в районе Либавы.

Неожиданно были открыты на горизонте несколько приближавшихся дымков. Быстро погрузились и стали выходить на курс замеченных судов. В них распознали германские броненосцы. Рядом, в строе двух кильватерных колонн, шли неумолимые враги подлодок — миноносцы: конвой.

Погрузились совсем; скрыли перископ.

— Осмотримся перед атакой,—решил командир.

В напряжении прошли минуты, которые казались часами.

Наконец,—к всплытию.

В перископ, когда всмотрелись, увидели, что попали в самую середину германского отряда.

Огромный борт „Виттельсбаха" был почти рядом.

Снова—погружение. Выпустили все мины. Раздался сильный взрыв. В лодке все задрожало, полопались все лампочки.

Стало темно.

Лодка ударилась обо что-то, послышался зловещий треск, и с сильным креном „Окунь" пошел на глубину.

Кто не успел схватиться за что-нибудь, опрокинулся и покатился по палубе.

Попали под таран—крышка!

Но все—у своих мест, по боевому расписанию.

Спокойные, короткие приказания командира. Крен стал меньше.

Лодка выровнялась. Тщательно осмотрели весь корпус. Течи нет.

Когда наступил вечер, в сумерках всплыли. Все было тихо, не было слышно шума винтов миноносцев, носившихся весь день в поисках „Окуня".

— В перископ ничего не видно, он не поворачивается—было сделано открытие.

— Рубочный люк невозможно открыть,—еще одно печальное „открытие".

— Станем в ремонт,—пошутил кто-то, криво усмехнувшись.

А весенние ночи светлые, и немцы шныряют вокруг. И все думали над тем—как выбраться наверх, туда, где свежий ночной воздух. Становилось тяжело дышать.

А за стеклом иллюминаторов,—всего несколько сантиметров,—воздух, такой чистый, морской воздух.

— На верхнюю палубу можно выйти, открыв люк канатного ящика,—сказал кто-то.

— Но тогда мы не сможем больше погружаться и нас застукает любое немецкое судно,—послышался ответ.

Подумали и решили открыть люк, вернее сломать его, так как он задраивается наглухо.

Работали долго, настойчиво. Когда люк был сломан, и свежий воздух струей стал вливаться в лодку, бодрость вернулась ко всем.

Заработали дизеля, и „Окунь" полным ходом пошел на север к своим берегам. Утром он был в своей базе.

III.

13 июля 1915 г. в Балтийском море у Ирбенского пролива наша подлодка „Дракон" затеяла с герман-

ским крейсером „Аугсбург“ и 4 охранными миноносцами очень опасную игру.

„Дракон“, несмотря на мертвый штиль, когда след от перископа виден на очень большое расстояние, подошел под водой к замеченным им германским судам на 4—5 кабельтовых и поднял перископ для ориентировки перед минным залпом. В эту минуту крейсер, заметив перископ, немедленно повернул на него и пошел таранить. „Дракон“ спешно ушел на глубину. Через 10 минут „Дракон“ вновь поднялся, надеясь увидеть крейсер за кормой, и приготовился стрелять кормовыми аппаратами, но „Аугсбург“ оказался сзади левого траверза на $1^1/_2$ кабельтовых и шел прямо на подлодку.

Дав самый полный ход, „Дракон“ был на глубине 55 фут, когда крейсер пронесся над ним настолько близко, что лодку качнуло.

Через 20 минут „Дракон“ вновь поднялся с целью атаковать „Аугсбург“ в третий раз, но увидел, что крейсер и миноносцы уже далеко. Атакованные дважды, они спешили уйти.

За все время этой игры ни крейсер, ни миноносцы не стреляли.

14 августа, т.-е. почти через месяц, „Дракон“ опять встретил „старого знакомца“—„Аугсбург“ и атаковал его, дав залп, но не попал. Крейсер открыл огонь и через 4 минуты прошел над лодкой, которая успела уйти на глубину. Повернув, „Аугсбург“ второй раз таранил „Дракона“, но также неудачно, после чего ушел в открытое море.

IV.

20 августа 1915 г. наша подлодка „Минога“, идя на позицию в Рижский залив, занятый в это время

прорвавшимися судами германского флота, увидела в $2^1/_2$ милях от себя шедший на нее миноносец. Лодка шла под дизель-моторами и когда остановила их перед погружением, оказалось, что клинкеты для закрывания трубы отработанных газов не закрываются, и погружаться невозможно. Положение создалось критическое, ибо миноносец полным ходом несся на лодку. Не растерявшиеся мотористы в несколько секунд исправили клинкеты и закрыли трубу отработанных газов. „Минога“ успела уйти под воду, но германский миноносец пролетел над ней так близко, что ее сильно колыхнуло.

Редкий бой.

Описываемый ниже случай интересен тем, что он рисует редкий артиллерийский бой между подлодкой и вооруженным транспортом.

Это было на Черном море в конце сентября 1916 г. Подлодка „Тюлень“ находилась вблизи турецких берегов. Ночью был замечен силуэт приближающегося корабля, повидимому купца. Так как он шел мористее [1]), то на фоне берега заметить лодку не мог, поэтому он шел спокойно своим курсом. За дальностью расстояния было невозможно определить есть ли на нем орудия или нет. Транспорт шел быстро. Чтобы догнать его были в придачу к дизелям пущены электро-моторы. Ход, таким образом, увеличился до 13 узлов. Судно обозначилось настолько, что стали видны орудия довольно крупного калибра. Несмотря на преимущества противника, командир „Тюленя“ решает принять бой, не желая упустить добычу. Выйдя несколько вперед курса противника, „Тюлень“ открывает огонь из 75 мм.

---

[1]) Мористее—дальше в море.

и 57 мм. орудий. Противник увеличивает ход и начинает стрельбу. Его снаряды ложатся близко от лодки. „Тюлень“, еще увеличив ход, идет на сближение, развивая бешеный огонь. Транспорт отвечает таким же огнем, но с перелетами. Бой шел 40 минут. У „Тюленя“ оставалось 4 снаряда. Командир подлодки тогда подходит вплотную к транспорту и выпускает в упор последние снаряды. Из котельного отделения транспорта выскакивает пламя, носовое орудие его перестает стрелять, судно останавливается. Видно было (ночь была лунная), как часть людей бросается в воду, а другая спускает шлюпки. „Тюлень“ захватывает судно—посылает свою парусинку для осмотра. Судно оказалось турецким транспортом „Родосто“, под командой немецких офицеров. На нем оказались одно 87 мм. и одно 57 мм. орудия. Немедленно офицеры были сняты. Призовая команда „Тюленя“ принялась за тушение пожара. Когда пожар был потушен, транспорт самостоятельно пошел в Севастополь.

Этот артиллерийский бой между подлодкой и сильнейшим противником являлся первым и, кажется, единственным за всю войну эпизодом подобного рода.

Отстоялись...

Пусть никто не упрекнет меня за то, что я передаю рассказ не чей-нибудь, а боцмана. Так уже принято, чтобы всякие морские приключения рассказывали боцмана. Правда, боцман, рассказ которого я передаю, не похож на обычно выводимых в таких случаях боцманов—приземистых, загорелых, крепких, со щетиной на щеках и подбородке, хриплым басом и трубкой. Он был просто боцман с подводной лодки „Волк“, обыкновенный боцман, какие бывают на флоте, а не в морских рассказах.

Во время вахты, когда вдали виднелся Готланд, он поднялся на мостик. Подышав полной грудью, он заговорил о немцах, минах, непогодах и о том, что составляет обязательную тему у всякого боцмана,— о своих прежних плаваниях.

— Вот, когда на „Крокодиле“ я плавал, нас цеппелин травил, и как раз в этих самых местах, где мы сейчас есть. Идем мы, это, а он из облаков вдруг такой длинный и точно бы стоит. Нас заметил он сию же минуту. Мы от него—погружаться и, как на несчастье, у нас заело—на полную глубину не уйти.

Футов на 90 пришли и слышим: „трах, трах!“— бросает бомбы. Лодка-то старая, трещит по всем швам. Мы уже думали „кайкелоп“ [1])—ущучит нас этот цеппелин, наверняка. Ан, ничего; минут 20 травил,—потом отстал.

Мы уже так до ночи наверх и не вылезали. Вечером в темноте только и всплыли. Месяц был октябрь. Сами знаете — штормягу развело, ветер, пурга. Командир решил под шведским берегом укрыться. Насилу добрались, и в нейтральных водах якорь отдали.

Стоим день, стоим два. Ветер все ревет, волна большая—качаемся.

На третьи сутки к нам шведский миноносец пришел. Так и так,—нарушение нейтралитета и международных правил,—выбирайте якорь.

Вышиб нас. Походили мы немножко по морю туда—сюда, а к вечеру—обратно. В такой шторм куда итти-то?

Утром миноносец опять тут, как тут. Командир наш с хитрецой был: кричит им, мол, это уже другая лодка,—постоим и уйдем.

Те смеются:

---

[1]) Конец.

— Холодно вам?

— Нет, ни-че-го!—отвечаем, а у самих зуб на зуб не попадает. Пурга так и ревет.

Тогда вдруг на шесте с миноносца нам бутылку протягивают. Качает миноносец, нас качает, насилу поймали. Да... любопытно было... ну, конечно, роспили коньячек за шведское здоровье господа офицеры... хвалили... Утром потишало—ушел миноносец в свою сторону, а мы в свою... Д-да...

Боцман мечтательно задумался. Он, наверное, сожалел о том, что судьба его тогда хоть на 5 минут не сделала офицером, только на 5 минут.

Зеленый огонь.

Мне в 1914 году чуть не пришлось сделаться жертвой одной ошибки... Если вас это интересует, я расскажу.

Наш дивизион ночью шел попутным штормом к Кавказским берегам. Погода свирепела с каждой минутой. Мы рассчитывали укрыться в ближайшем N-ском порту. Погода, какая только бывает осенью на Черном море, не позволяла и думать о сохранении строя. Каждый шел самостоятельно. Курс и рандеву [1]) с флагманского судна были переданы. При свете луны, выглянувшей из-за туч, был замечен берег. В это время с ближайшего судна нас начали вызывать клотиком, требуя помощи, так как их сильно заливало.

Какую же помощь можно оказать в такую погоду?!

Мы продолжали свой путь, вглядываясь в берег, то белевший под лунным светом, то становившийся темной неясной полосой. Должен открыться входной

---

[1]) Рандеву—назначенное место встречи.

зеленый огонь портового маяка. Клотик справа продолжал тревожно мигать. Что же мы могли сделать?

Покрывая шум волн и вой ветра, сигнальщик вдруг крикнул:

— Справа на носу зеленый огонь.

Этот спасительный для нас огонь открывается в 9 милях от порта. Еще 20—25 минут,—и мы будем в порту за надежными волноломами и стенками, где ничто не страшно. Из труб взметнулись огненные факелы. Мы торопились.

Очертания берега стали яснее. Зеленый огонек, не мигая, тянул нас к себе.

Перегнувшись на поручнях, в ночной бинокль смотрел командир.

— Что за чорт? Не видно мыса!

Тут справа должен быть мыс.

Мы не понимали в чем дело.

Зеленый огонь на море, где же мы? Мы уменьшили ход до малого. Стали лотовать. С бака передали— 17 фут. Дальше итти опасно. Тут близко, близко стал слышен шум, от которого все замерли в страхе. Шум прибрежного прибоя,—рядом волны разбивались о скалы.

— Полный назад!

В эти короткие секунды, когда винты забирали задний ход против волны,—случайно в разорванных тучах показалась луна. Мы все поняли—мы ошиблись в счислении.

Перед нами бились буруны. Берег был в нескольких десятках сажен. И также не мигая, светил зеленый огонь семафора какой-то станции береговой Таупсинско-Сочинской железной дороги. Предательский, гибельный огонь. Но мы были уже спасены—пусть впереди снова шторм—с ним мы справимся.

Так, вот, какие иногда ошибки бывают.

„Пасхальные яички“

— Занятные вы всегда истории рассказываете... И откуда они у вас берутся—как из бездонной бочки вытаскиваете, — обратился неожиданно к старшине какой-то молодой, свесившись с койки.

— Откуда?—из опыта, друг. Послужи с мое, так такое же „полное собрание приключений“ составишь!

— А рассказали бы вы нам чего-нибудь на сон грядущий,—просительно произнес тот же молодой.

— Рассказать... ну, примерно, про что?.. Как мы с вешкой однажды воевали—за перископ ее приняли... Или...

— Вы—про мины что-нибудь!

— Про мины? Ну, что же, мины, как мины... Вот, если наши с сахарным предохранителем, — полезная штука, приложение к чаю. А, если чужие, да фут — на 5—6 под водой—совсем не симпатично... Вот, когда мы шли раз с моря...

В кубрике стало тише.

— Шли раз с моря. Не здесь это было,—на Черном море... Обозреваем горизонт, птицу каждую замечаем, всякое пятнышко, точечку глазом ловим. На войне глаз совсем другой делается—под водой видит, опасность усматривает. Идем—курс, между прочим, NO 55°, упомнил его, как будто вчера у руля стоял. Весна... хорошо в море... покачивает осторожно... пригревает...

— Идем, а у самих думка—скорей бы в Севастополь, к празднику поспеть. Пасха как раз на завтра. Не так—праздник, как на берег попасть хочется. Неделю в море промотаешься, так захочешь...

Ну, словом, в скорости подошли к Севастополю. Эскадра,—залюбуешься. Все в таком порядке идут— прямо по ниточке. Миноносцы—на отлете немного.

Повернули на фарватер секретный. Севастополь — вот, рукой подать. Наверно, с музыкой встретят...

И такие мечты хорошие были...

Вдруг, как рванет... Огонь, дым, вода... Подлодка атаковала!

Боевая тревога.—Где, что, куда?

Растерянности, однако, нет. Рассмотрелись немного — видим, от одного миноносца только щепочки плавают.

Туда, сюда — никакой подлодки не обнаружили. Послали тральщиков. Прошли они контрольным галсом. Сигнал подняли: „затралены мины". Так,—это на секретном-то фарватере!

Выловили мины, разглядели, а на них надписи „Христос Воскресе". Пасхальные „яички"... Все настроение упало... Такую, можно сказать, пакость нам устроили.

Потом узнали, что это дело подводного немецкого заградителя. Да, что толку-то в этом... Только то, что вперед осторожнее стали—как в море, так тральщики до поту фарватер проверяют.

Желанный перископ.

Лейтенанту С. все казалось скучным, серым, будничным. Ни прекрасная погода, ни оживление Приморского бульвара, ни картина рейда со стоявшей эскадрой, ничто не улучшало его настроения. В его душе было мрачно, как в угольной яме.

„...Пятый месяц торчу на ветхозаветном утюге, который выходит в море только для того, чтобы сейчас же вернуться и снова встать в ремонт. И это — в то время, как другие полными горстями загребают радости походной службы,—чины, ордена, известность... Я спрашиваю, есть ли справедливость на этом свете?...

Молодой лейтенант в военное время в такой позорной бездеятельности!"...

Эти пропитанные горечью мысли тяжело ворочались в голове лейтенанта С.

Но судьба в образе Штаба флота улыбнулась лейтенанту С. Не потому, что Штаб флота разделял мнение лейтенанта о службе лейтенантов на „ветхозаветных утюгах", как он пренебрежительно называл линейные корабли, а потому, что на эсминец „Безудержный" срочно нужно было назначить нового командира, так как прежний заболел.

Часовой у трапа пришел в полное обалдение, когда увидел, как обычно сдержанный и серьезный лейтенант С., выйдя со шлюпки, пришедшей с берега, и стоя на нижней площадке трапа, дрыгнул ногой и засвистал что-то веселое.

Часовой не знал, что у лейтенанта С. лежит в кармане предписание отправиться на эсминец „Безудержный" и вступить в командование им.

Первые три дня новый командир „Безудержного" плавал (пока не в море—эсминец стоял у своей базы) в радужно-розово-золотистых восторгах и сладком забытье. Он стал рассеянным. Придя на эсминец, он по ошибке пожал руку вахтенному и попал вместо кают-компании [1]) в находившийся неподалеку гальюн [2]).

Только на четвертый день он пришел в себя и начал входить в роль командира.

По вечерам, когда над Севастопольской бухтой сияли ярко звезды, он выходил на мостик. Что он там делал, осталось неизвестным, но можно предполагать, что он репетировал атаки. Да, атаки! Он сжи-

---

[1]) Кают-компания—судовое офицерское собрание, столовая.
[2]) Гальюн — уборная.

мал ручки машинного телеграфа и, вглядываясь в тьму, казалось, бросал свой эсминец вперед.

... „Безудержный". Да, он будет безудержным, я его сделаю таким".

Первый поход в своем начале несколько разочаровал лейтенанта. Море было пустынно, как будто пронесшийся два дня тому назад шторм, сдул с него все суда. Не было видно ни одного даже самого маленького парусника.

Напрасно лейтенант протирал замшей свой бинокль, горизонт был чист.

Из глаз сигнальщиков от усиленного наблюдения текли слезы. Но и от этого никто и ничто не показывалось.

„... Не может же быть, что я вернусь так... я должен встретить противника... подводную лодку, или хотя бы"...

Темный, едва заметный в сумерках, предмет, торчавший из воды, оборвал мысли лейтенанта.

— Перископ. Подводная лодка! Боевую тревогу!...

Тишину вечернего морского простора сотрясли залпы.

„Безудержный" весь в пене от 36 узлового хода несся на подводную лодку. На мостике застыли в ожидании таранного удара.

„... Какой успех, какой неожиданный успех... Георгиевский крест... Газеты сообщают"...

— Ваше, высокоблагородие, так что это вешка [1]), а показывало раньше, будто перископ!—возглас сигнальщика сзади—за плечом.

От неожиданности лейтенант сначала не понял.

— Как—вешка, почему—вешка, откуда вешка?...

— Так точно. Вешка, а голик сорван...

---

[1]) Деревянный шест, ставящийся для обозначения фарватера. В данном случае сорванный шест был причиной заблуждения.

Как сыграли отбой, как лейтенант С., подавленный происшедшим, заперся у себя в каюте и проклинал всех гидрографов мира за „дурацкие вешки", и как комендоры ругались за зря выпущенные снаряды — вряд ли стоит рассказывать.

С того дня лейтенант С. не мог равнодушно видеть ни одной вешки. Когда сигнальщик докладывал ему о том, что справа, слева или по носу показывалась вешка, он сердито обрывал:

— Болван, сам вижу.

Количество и качество.

— Ну, раз разговор зашел относительно того, что играет на войне бо́льшую роль — качество или количество, так уж разрешите мне пару слов сказать,—произнес сигнальный старшина, услышавший наш спор.

— Говори, папаша. Умные речи приятно слышать,— отозвался один из нашего угла.

— В начале германской войны это было. По берегам Балтийского моря, как водится, — посты Службы Связи. Тут пост, там пост, в третьем месте пост—человек по 5 — 6 наших морячков на каждом. Сидят, наблюдают посменно, обо всем замеченном на море, доносят куда следует. Служба как будто пустяшная — сиди по телефону говори:—„дым, мол, замечен",—а разобраться в этой службе — так поймешь, что без этих самых постов флот, как без глаз и без ушей. Не знает,—что на море, кто на море, где на море... А тут со всех постов и сообщают—и вся картина ясна.

Да, так вот был один такой пост у Бакгофена,— на Курляндском берегу.

Несли службу на нем 4 наших моряка и 2 пограничника.

Первые полтора месяца войны благополучно прошли. И шло бы так дальше, если бы 10 сентября к самому посту не подошли бы 4 немецких миноносца. Два чуть мористее стали, а два у берега. Шлюпки спустили и — к посту. За каким делом — ясно. Сжечь или взорвать пост, нарушить связь.

Прикинули наши количество немцев — задумались. Их на 2 шлюпках человек 15, да на миноносцах сколько. И в расчет надо взять—у немцев—орудия,— у наших винтовки.

Думали, подумали недолго,—винтовки в руки, да— ходу. Да не назад, а навстречу немцам. По шлюпкам— залп, другой, третий, потом по мостикам миноносцев—беглым.

И-и-х! завертелись немцы. Пока их комендоры огонь открыли — изрешетили наши и шлюпки и миноносцы. Кое-как шлюпки добрались обратно,—задымили миноносцы и—назад. На ходу отстреливаются.

Ну, наши свое сделали, и хватит — на пост вернулись.

Вот теперь вам качество! — закончил он рассказ.

— Ну, это, папаша, частный случай. — Заметил кто-то.

— Верно, но все такие частные случаи показывают общее правило,— что количеству еще должно соответствовать качество. А спорить, что важнее, не стоит, ребятки. И то—важно, и другое—важно.

Подвиг тральщика „Якорь“.

В начале августа 1914 года немцы скрытным образом поставили у выхода из Финского залива в Балтийское море минное заграждение.

О присутствии его никто и не подозревал до тех пор, пока на нем не взорвались 2 голландских парохода „Алисон“ и „Гоферин“, вышедшие из Петрограда и направлявшиеся, так как они были под нейтральным флагом, к себе в Голландию.

Немедленно же партия траления в составе 14 судов, вышла к месту обнаруженного заграждения и, поставив тралы, приступила к работе.

Во время траления тральщик „Проводник“, ударившись о мину, взорвался. Его переломило пополам и он быстро стал тонуть. С ближайших тральщиков, несмотря на опасность, поспешили на помощь. Одним из первых был „Якорь“, который, спустив шлюпки, стал подбирать обваренных паром и тонущих людей с „Проводника“.

В это время на горизонте показался наш миноносец „Видный“.

При приближении был разобран сигнал, поднятый на нем: „Вижу неприятеля на SW“.

Подойдя ближе, он по семафору передал, что его преследовали 3 немецких крейсера. Одновременно с этим на горизонте показались 3 дыма. Сомнений быть не могло—приближались немецкие крейсера.

Тральщики бросили тралы и стали уходить полным ходом. На месте остался только один „Якорь“, продолжавший спасать тонущих товарищей с „Проводника“, несмотря ни на приближение 3 крейсеров, ни на то, что за кормой в тралe у него было 5 мин.

„Якорь“, спасавший людей, попал под огонь крейсеров, которые подошли к нему на 40 кабельтовых и расстреливали его почти в упор. Одним из снарядов была разбита шлюпка, другим пробита верхняя палуба.

„Якорь“ продолжал спасение людей и выбирал трал, как на учении. Когда все было сделано,—люди подобраны, шлюпки подняты, трал убран, „Якорь“ дал ход и под огнем начал уходить своим 8—9 узловым ходом.

Опасаясь своего же минного поля, немецкие крейсера не решились преследовать „Якоря“ и, прекратив стрельбу, повернули обратно.

„Якорь“, которого все считали уже погибшим, пришел в свою базу.

---

600 человек умели работать.

— Иногда на море случаются интересные вещи. Мне, вот, однажды пришлось быть участником состязания на скорость, которое происходило между крейсером и полудивизионом миноносцев.

— Что-же тут интересного?

— Кое-что, если вы выслушаете. Состязание, во-первых—происходило в таком тумане, что двое, стукнувшись лбами, все-таки не разглядели бы друг друга. Во-вторых,—крейсер был немецкий, миноносцы—наши. В-третьих состязание шло таким родом: крейсер ставил рекорд скорости угольной *разгрузки*, миноносцы—рекорд скорости хода.

— В тумане... Рекорд скорости разгрузки... Рекорд скорости хода... Вы—того, кажется...

— Ничего, это только на первый взгляд непонятно. Слушайте дальше.

Условия состязания действительно очень странны. Дело было вот как.

11 января 1915 года у Стейнортского маяка в тумане село на мель германское судно, как потом оказалось,—крейсер „Аугсбург“. Посты Службы Связи самого

крейсера из-за тумана не видели, но услышали шум, крики, команду. Немедленно же о случае донесли.

Из Ревеля для уничтожения севшего на мель судна и для атаки других, которые могли подойти на помощь,—был выслан полудивизион эсминцев особого назначения.

Немецкое же судно приступило к разгрузке угля, чтобы сделать осадку меньшей и сняться с мели.

Состязание таким образом началось. Условия, как вы сами видите, мной были переданы точно.

Кто мог оказаться победителем на состязании? Или немцы, которые кончили бы разгрузку до того, как подоспеют русские миноносцы,—или русские миноносцы, которые подоспели бы до того, как немцы кончат разгрузку.

Наших подбадривал такой ценный приз, как немецкое судно.

Немцев подбадривали перехваченные русские радио, говорившие о приближающейся опасности.

Простой подсчет расстояния от Стейнорта до Ревеля говорил немцам, что работу по разгрузке необходимо закончить через несколько часов—в срок меньший, чем нужно русским миноносцам для появления на месте посадки на мель.

Тот же подсчет говорил нашим, что подойти к Стейнорту нужно в срок меньший, чем нужно немцам для с'емки с мели.

Поэтому обе стороны гнали.

Немцы, обливаясь потом, выбрасывали уголь за борт.

Наши кочегары, обливаясь потом, подбрасывали уголь в топки.

Немцы глядели на часы. Наши глядели на часы.

Состязание шло полным ходом.

С одной стороны—тонна за тонной.

С другой стороны—миля за милей. И все это, заметьте, в тумане. Согласитесь сами, что состязание интересное.

Продолжалось это состязание несколько часов. Молчаливое, упорное, страшное, покрытое плотным туманом.

600 человек на крейсере работали и думали—мы будем первыми.

400 человек на миноносцах думали то же самое.

Два штаба, немецкий и наш, ждали исхода состязания.

Когда дело близилось к развязке, на крейсере раздался возглас лотового:—Назад идет!

Крейсер сошел с мели. Крейсер был спасен. Он был первым. Крейсер исчез.

В рассеивающейся под полуденным солнцем полосе тумана, миноносцы увидели только далекий дым на SW.

Крейсер взял приз. 600 человек его команды умели работать.

Дело было весной.

Велика была во время германской войны минная сила Балтийского флота. Две минных дивизии. Тут и „Новики" были, тут и особый дивизион, и „немки" и „французы" [1]) и... да, кого тут только не было!

Ночь и день, день и ночь носились в море. В глухих уголках Ботнического залива, куда и финский рыбак не заглядывает, бывали, шхеры наизусть знали—полным ходом шли, с германским берегом познакомились, шведские знавали. А о Финском заливе и говорить не стоит. Завяжи глаза—в любой порт на выбор—

---

[1]) Особые типы миноносцев.

в „Гельсинки“, в Ревель, в Кронштадт, в Ганге—куда хочешь придут и вешки ни одной не зацепят.

Шесть ходовых дней в неделю. Тысячи миль покрыли. Счетчики лагов только поспевали пройденное расстояние показывать. Угля пожгли уйму неисчислимую. Горы целые. Кирка Олая, если рядом ее с угольной горой поставить,—детским пирожком из песка показалась бы.

Как сумасшедшие носились обе дивизии. Прямо, можно сказать, сигнальщики флагманов „Буки“ не спускали.

А ремонт?! Стук, стук, стук—и готово. Листы обшивки меняли, винты меняли, трубки в котлах меняли, пушки меняли—и все моментально. Работали не по-человечески. Какой тут отдых в военное время?!

— Старайтесь молодцы: победить врагов царя и отечества надо. Победим—отдохнем.

Проглотишь вместе с угольной пылью ответ:

— Отдохнешь на дне, верняком.

Даже и задуматься,—а зачем, почему, отчего эта война, какую пользу она дает,—некогда. Работа—вахта, работа—вахта. Иногда поспишь. А что такое берег—и позабыли совсем. Так, темная полоска иногда на горизонте.

Летом от жары потом разваривало, солнцем жарило, дождем купало, перемывало. Зимой в сосульку делало.

А кто находился думающий или разговаривающий—в ноль минут, ноль секунд куда-то исчезал.

Ни, ни,—ни думать, ни разговаривать. Знай воюй!

Что поделаешь—воевали.

Вот раз, только с моря пришли, первый срок расправил, думаю обязательно в гости нужно зайти к Матвеевне, а тут бац—экстренно: погрузка угля, приемка снарядов, провизии. Погулял!

К вечеру с якоря снялись. Отлично разглядел, дело весной было, сам „Новик“ идет с нами. 4 особый дивизион, 5 дивизион, ну, и мы, конечно. На „Страшном“ я плавал.

Опять Колчак [1]) затеял чего-нибудь. Очень неспокойный он был. Только у него и приказаний: „В часовой готовности“.

Ну, так вот идем. Курс на Либаву. Дым стелется, иногда Ратьер мигает.

Комендоры-то, как малые ребята от матки, от орудий не отходят.

Сигнальщик голову вытянул вперед—смотрит.

Не проглядеть чего-нибудь, а то полундры не оберешься потом. Немец, он хитрый. Всякую штуку устроить может. Вот, бывало, тральщики протралят,— пожалуйста, фарватер чист, сунется кто-нибудь, и прямо на дно.

Мины у них такие были всплывающие. Тральщики пройдут, а мины потом всплывают.

Так вот и приходилось очень осторожным быть.

На подвахте стою, решился мичмана спросить:

— Вашбродь, по какому назначению, дозвольте узнать, идем?

— Разговоры не разговаривай, за делом смотри!— Очень серьезный мичман был.

Надо вам сказать—я по специальности рулевой, так кое-что насчет там навигации, лоции понимаю. Курс я знал, и время знал, в рубке на часы поглядел и определил я, что мы у Виндавы. Потом верно оказалось.

Только я это размышлять стал, какой такой план операции начальство задумало, как боевая тревога. Момент—все на месте. Пронесет на этот раз или нет?

---

[1]) Колчак в те времена был начальником минной дивизии.

Блеснуло впереди, выстрел грохнул. Головной бьет—„Новик“. Другие бить начали.

Ночь тихая была, луна светила. Осмотрелся я. Вижу кабельтовых за 2—3 корабль. Стало быть немец. Он один, нас куча. А все-таки бьет отчаянно.

Д-з-р-р-р!—по полубаку осколки сыпятся. Беглым кроем. Полыхают выстрелы. Совсем мимо немца проходим. Разглядеть его успел. Так, небольшое такое суденко—вроде сторожевого. И горит уже все. Видно, как немцы в воду прыгают. Только на носу у орудия двое стоят. Отстреливаются. До конца держатся.

Отбой сыграли. Наш комендор с носового и не слышал. Еще один снаряд пустил—прямо в упор.

„Охотник“ отделился от нас, подошел к немцу. Мину в борт пустил. Взрыв оглушительный. Огонь, вода, дым. Кончено.

Повернули обратно—курс N. Мы концевыми были—так передали нам: „Подобрать пленных“. Ходим тихо. Вопят, кричат немцы. Жалко их—такие же, ведь, как и мы подневольные. Разве им воевать охота?

Человек двадцать вытащили. И командира германского вытащили. Высокий, здоровый. На палубу встал, руку в карман, револьвер вынул и за борт выбросил. Оружие не отдам!

Ну, мы немцев в гости к себе. По кубрикам распределили. Голые они—кто в тельнике, кто в рабочем, дрожат, зубами стучат. Мы им с камбуза—супу, макарон, чаю, хлеба, масла, сахару. Ешь, пей вволю.

Посмотрели в чемоданишки свои—кое-что из одежи лишнее есть. Обмундировали немцев.

— Носи форму нашу, камрад!

Дружественные ребята эти немцы. Смотрел я на них и думал, и зачем мы друг друга убивали.

В Ревель пришли, забрали у нас немцев. Кончилась наша дружба, опять война началась.

III.

За рубежом.

UB 83.

Матрос подошел к офицеру и остановился, щелкнув каблуками.

— Г-н лейтенант, пакет из штаба!

И застыл в ожидании.

Генрих Велле — молодой лейтенант. В подводном плавании совсем недавно, но уже несколько раз ходил в море. Правда, ему не удалось еще потопить ни одного английского или норвежского судна, и на его сюртуке не было черного крестика храбрых, но он был без сомнения знающим, энергичным и хорошим командиром. Он был несколько холоден, и его взгляд серо-голубых глаз колол ледяными иглами.

Неторопливым движением разорвал он конверт, прочел и, не торопясь, написал на конверте только: „Получено 10. 32. 2—IX. Лейт. Г. Велле".

— Можешь итти!—бросил он посланному.

Опять щелкнули каблуки, и матрос вышел.

Лейтенант взглянул на часы и вышел из собрания.

До базы 3-ей флотилии подлодок было недалеко, и он шел, не торопясь. Глядя на этого молодого лейтенанта, который шел медленной, твердой походкой с чуть-чуть откинутой назад головой, вы не сказали бы, что он только что прочел:

— „С получением сего перейти в состав 7-й флотилии. Быть в 2-часовой готовности. Нач. Штаба Мюльбах".

— 7 флотилия, она в беспрерывной работе, как хорошо.

Подходя к базе, он зорким и вместе с тем беспокойным взглядом окинул свою лодку. UB 83 стояла рядом со своими „сестрами“ UB 84, UB 85 и UB 86.

Вахтенный заметил командира и передал на вахту. Но никаких церемоний не было. Раз навсегда было принято—прежде всего работа. Дисциплина оставалась прежней, жестокой, не прощающей ни малейшего нарушения уставов, но война внесла что-то новое, другое, в отношения между офицерами и командой. Резервисты, пожилые, серьезные люди, прошедшие школу жизни, своим видом, своей работой потребовали к себе уважения.

Опасность и боевая обстановка сблизила людей и, как-то забывался, иногда, вечный антагонизм двух классов.

Когда Велле по сходне спустился на палубу своей лодки, к нему подошел совсем юный, безусый, помощник.

— Эдмунд, как идут работы?

— Левый мотор проверен, кончают оборку правого. Насосы перебраны. Провизию должны сейчас привезти.

В подтверждение его слов—на берегу по шоссе показался грузовик с сидевшими на ящиках и мешках матросами.

— Закончить, как можно скорее, работы.

— Попроси ко мне механика!—обратился он к вахтенному.

Приказание было быстро исполнено.

В час дня с моря вернулась 5 флотилия. Команды, стоявших у стенки лодок, приветствовали вернувшихся с похода.

— Был ли успех? Сколько?

— 6 купцов!

— Поздравляем!

На зеркальной глади бухты медленно швартовались одна к другой пришедшие с похода лодки. С одной

из лодок, где был начальник флотилии, взмахнули флажки сигнальщика.

Не пытайтесь разобрать, что он пишет. Он сам не знает. Ему дают листок, исписанный рядом букв и цифр, который скрывает смысл сообщения. Да, даже здесь, в Гельголандской бухте, где, кажется, кроме моряков нет никого, и то все под покровом военной тайны.

Осведомительный отдел английского Адмиралтейства может, ведь, проникнуть и сюда, и кто может поручиться, что приход или уход подлодок останется неизвестным врагу и что семафор, переданный сейчас с U 73, не замечен и не записан английскими агентами...

Эти Uboot[1]) настолько страшны Англии, что она идет на все, лишь бы уничтожить это ужасное оружие— невидимое.

„Господство Англии поставлено нами на карту. Еще немного неограниченной войны, и Англия задохнется от блокады",—говорили подводники.

В 5 час. 30 мин. Велле вместе с двумя другими лодками вышел в море.

„В 150 милях к SW распечатать пакет".

Таков был приказ: Оставалось итти на SW и ждать почти 12 часов.

* * *

3-го сентября в 10 ч. утра, в английском Адмиралтействе офицер из оперативного отдела на огромной стенной карте отметил место 3 вышедших из Гельголанда германских лодок.

Долгий опыт и навык разведывательной работы дали хорошие результаты.

Но это еще не рекорд агентурной работы. Нужно еще скорее получать сведения.

---

[1]) Подлодки по-немецки сокращенно назывались Uboot.

И в тот же день в 11 ч. утра, в базе Плимут, несколько истребителей подлодок срочно снялись и вышли в море.

* * *

Поиски подлодок производились быстроходными моторными катерами. Отборный состав команды. Всего 8 — 10 человек; все добровольцы. Таких истребителей было около 170 штук, пришедших через океан из Америки. Янки внесли в дело дух спорта. Начались рекорды.

В любую погоду выходили они в море на своих катерах, исчезавших в громадной волне. И день и ночь искали они подлодки „Фрица". Их оружием были губительные, страшные противолодочные бомбы, от взрыва которых, от одного сотрясения, на подлодках повреждаются моторы, заедают рули и гаснет свет. А если бомба рвется близко, то только пузыри воздуха и масляный след на поверхности говорят о том, что „Фриц" готов.

И гидрофоны. Против них бессильны немцы. Эти чуткие слуховые аппараты за 20 миль передают шум от работы винтов подлодки.

И опытные „выслушиватели" безошибочно, по звуку определяли приближение подлодки.

„Суиш, суиш",—слышались в аппарате звуки. Точно определялось направление, и истребители готовились к нападению.

И так, с 40 узловой скоростью носились по всем берегам Англии и Ирландии эти „чезеры" [1]), преследуя подлодки, разыскивая их или благодаря случайно увиденному перископу, или систематически обследуя район за районом.

---

[1])Чезер—chaser—преследователь.

* * *

UB 83 четвертый день была в линии блокады. Ей удалось удачно уйти от столкновения с миноносцем, который шел с определенной целью ее таранить. Погружаясь, Велле испытал чувство ужаса, когда стрелка глубомера медленно показывала фут за футом — пять, десять, пятнадцать... И в мертвой тишине не слышно было ничего, кроме работы электромоторов и жужжащего звука винтов миноносца, проносившегося над головой.

— Двадцать! спасены!

Изменили курс и через несколько часов осторожно всплыли. Никого. На горизонте ни дымка. Этот поход был неудачным.

Англичане теперь стали так осторожны. Пароходы без конвоя не ходят и нужно ловить удобный момент, когда они оставлялись конвоем вблизи берегов. Но и тут была опасность от вездесущих „чезеров", которых можно заметить только тогда, когда они уже начинают атаку.

Велле решил погрузиться и итти ближе к берегам.

Задраили люки, зашипела вода, заполняя цистерны, и UB 83 снова погрузилась на глубину.

* * *

— Гарри, вы что-нибудь слышите? — Спросил Дэвис, командир головного истребителя № 103.

— Да, сэр, мне кажется...

— Что вам кажется?...

— Судя по звуку, недалеко идет подлодка...

Но шедшие сзади № 104 и № 105 передали о заслушанной подлодке.

— „Фриц" будет готов!

Истребители прибавили ход и понеслись по направлению, определенному гидрофоном. Сбросили бомбы и, когда все утихло, снова стали слушать. Несколько секунд с перебоями работали винты подлодки. И все слабее и слабее, как дыхание умирающего, они становились. Потом все затихло. Истребители застопорили моторы и покачивались на волнах.

Снова сбросили бомбы—и из воды в фонтане взрыва вылетел какой-то черный предмет.

— О, у „Фрица" перья летят! — весело смеялся командир.

— А может быть, Фриц играет в „мертвого"? Надо подождать!

— Гарри, что вы слышите?

— Какой-то скрип, шорох, наверное лодка на грунте.

Терпеливо ждали „чезеры", не упуская свою добычу.

Время шло. 104 и 105 были посланы в базу за бомбами. Сбросили буек. Спустя некоторое время подошла еще группа истребителей.

Уже темнело. Прошли долгих 12 часов. Ветер усилился, и истребители, качаясь на волнах, с трудом держались у того места, где „сидит" подлодка.

Были слышны звуки молота. „Фриц" чинится.

Всю ночь с перерывами доносились эти звуки молота, точно в гроб вбивали гвозди.

Темный океан гневно шумел, как будто волной хотел смыть то, что делали люди.

Медленно ползла стрелка хронометра. Прошел час, другой, третий...

Упорная, безмолвная борьба продолжалась. Одни боролись наверху со стихией, другие — внизу со смертью.

— Они готовы, они задохнутся, — сообщал слушавший Гарри.

— Нет, они нас ловят на пушку. Утром они всплывут и тогда прощай! — твердил упрямый Эдди, стоявший ночную вахту.

— Адская погода.

— Да, неважная.

— Я не хотел бы быть там внизу.

— Я тоже.

Внезапно Гарри приложил палец к губам. Оба затихли. Гарри приник к аппарату.

Слышались короткие, отрывистые звуки, необычные. Один... другой... третий... четвертый...

— Что это?

— Они стреляются!

25 револьверных выстрелов.

Эдди побледнел, как полотно.

UB 83 не вернулась в Гельголанд.

Гроза океана.

Начало войны застало германский крейсер „Карлсруэ“ среди Антильских островов в Мексиканском заливе. „Карлсруэ“ вышел в океан и, вызвав к себе по радио германский океанский пароход „Кронпринц Вильгельм“, взял от него полный запас угля и провизию.

Во время перегрузки оба корабля были застигнуты английским броненосным крейсером „Суффольк“. „Карлсруэ“, защищая невооруженный „Крон. Вильгельм“, принял неравный бой. Этим „Крон. Вильгельм“ был спасен, так как он успел уйти. „Карлсруэ“, несмотря на превосходство противника, выдержал бой и когда „Крон. Вильгельм“ скрылся, стал тоже уходить. Это ему удалось, несмотря на то, что его стали пре-

следовать уже 2 английских крейсера — на помощь „Суффольку“ подоспел „Бристоль“.

Преследуемый „Карлсруэ“, имея уголь на исходе, пришел в нейтральный порт С.-Жуан в Порто-Рико (Америка). У входа в порт его встретили огнем 2 других неприятельских крейсера—1 английский и 1 французский. „Карлсруэ“, получив повреждения, все-таки проложил себе вход огнем своей артиллерии.

Согласно международным правилам, крейсер не мог в нейтральной гавани оставаться долее 24 часов. „Карлсруэ“ потребовалось для приемки сверх полного запаса угля только 10 часов.

К ночи он мог снова выйти в океан. У выхода—за зоной территориальных вод—его поджидали 4 неприятельских крейсера.

„Карлсруэ“ имел все оправдания, чтобы остаться в порту, во-первых, из-за повреждений, полученных в бою,—во-вторых, потому что значительное превосходство противника готовило ему верную гибель. „Карлсруэ“ выбрал последнее.

Потушив все огни, он вышел ночью полным ходом—29 узлов, навстречу неприятельским крейсерам.

Открыв в упор огонь по ним, „Карлсруэ“ прорвался в океан, не понеся никаких повреждений.

Это—почти беспримерный подвиг в морской истории.

Затем началась охота „Карлсруэ“ за пароходами Антанты. „Карлсруэ“ стал грозой океанов. Он появлялся на всех путях и уничтожал пароходы один за одним. За короткий срок он потопил 17 пароходов.

Затем о „Карлсруэ“ ничего не стало слышно. Он пропал.

Только спустя долгое время, исчезновение „Карлсруэ“ об'яснилось. Добравшиеся до Германии моряки с

„Карлсруэ“ сообщили, что 4 ноября 1914 г. крейсер взорвался. Взрыв произошел, повидимому, от самовоспламенения пороха в одном из снарядных погребов.

Спаслось только несколько десятков человек, подобранных проходившими мимо пароходами.

Бой на якоре и без паров.

Война застала крейсер „Дрезден“ в Мексиканском заливе. Следуя инструкциям, он направился на юг— на соединение с остальными крейсерами, находившимися у берегов Южной Америки. По пути крейсер потопил 3 английских парохода, сделав это внезапно и „без шума“. Обогнув Мыс Горн и пройдя Магелланов пролив полным ходом, несмотря на бесчисленные рифы, делающие проход пролива чрезвычайно опасным, „Дрезден“ скрылся среди многочисленных островов Тихого океана, так как его присутствие было обнаружено английской эскадрой.

Но такой большой переход вызвал полный расход угля, и „Дрезден“, в конце концов, должен был стать беспомощным. Но, из казавшегося безвыходным положения, выход был найден.

Использовав прибрежные леса, „Дрезден“ на дровах добрался до нейтрального порта Пунта Арена и, приняв там полный запас угля, сразу ушел. Пришедшие на другой день в Пунта Арена английские крейсера „Дрездена“ не застали.

В дальнейшем „Дрезден“ продолжал топить английские коммерческие суда, оставаясь неуловимым для англичан.

„Дрездену“ удалось наладить снабжение углем, пользуясь 2 немецкими транспортами, встреченными

в океане. Эти транспорта доставляли ему из американских портов уголь в назначенные места.

Однажды, во время такой погрузки в океане в 500 милях от берега, когда „Дрезден“ стоял со спущенными парами, он был застигнут английским броненосным крейсером „Кент“, который подошел в тумане на 30 кабельтовов.

Через несколько минут „Дрезден“ несся 24 узловым ходом. „Кент“ гнался за ним до наступления темноты. На „Кенте“ (ход $23^1/_2$ узл.) бросали в топки все, что могло гореть,—шлюпки, столы, стулья, доски и т. д. Команда собралась на юте, чтобы поднять нос корабля и облегчить ход. Но эти меры не помогли, и „Дрезден“ скрылся.

Но этот день оказался для него роковым. Израсходовав остатки угля (погрузка была, ведь, прервана), „Дрезден“ подошел к острову Жуан Фернандец (б. Робинзон Крузо), где думал пополнить запас угля. Но угля на о-ве не оказалось. „Дрезден“ остался без паров.

На другое утро показались английские крейсера. „Дрезден“ поднял парламентерский флаг и послал к англичанам парламентера с протестом против открытия огня в нейтральных водах.

Англичане ответили, что им приказано уничтожить „Дрезден“ где бы то ни было, а юридическая сторона дела будет разобрана потом дипломатами.

Тогда „Дрезден“ принял бой, стоя на якоре—без паров. Англичане засыпали его снарядами. Когда стала очевидной гибель корабля, он был взорван своей командой. Он пошел ко дну с поднятыми флагами на глазах у англичан, но не сдался.

„Купцы“.

Известная часть „морских приключений“ случается с торговыми моряками. Поэтому я коротко расскажу о службе торговых моряков и о торговых судах. Попутно вставлю одно „приключение“, случившееся в Виго.

„Купцом“ во всем морском мире называют коммерческий (грузовой) пароход.

В большинстве случаев „купцы“ в своей работе не связаны каким-нибудь определенным маршрутом, — они перевозят грузы из любого порта, в зависимости от приказаний судовладельцев (или „компании“) и от наличия грузов. Попросту говоря, они являются морскими перевозчиками, готовыми за сходную плату (фрахт) принять груз и отправить его, куда угодно, не стесняясь расстоянием. Возьмем такой пример. Английский пароход идет с грузом угля из Нью-Кэстля в Архангельск, там он на обратный рейс берет груз русского леса. В момент прибытия в Англию подвертывается новый фрахт — промышленные изделия — в Индию. В Индии он берет копру и идет в Германию. В Германии—груз анилиновых красок с назначением в Россию и т. д. и т. д.

Такие скитания иногда заводят, например, японский пароход в Черное море, норвежский — в Южную Америку, бельгийский—в Австралию и т. д.

Так же разнообразны, как эти рейсы, и сами команды „купцов“. В особенности это разнообразие бросается в глаза на английских „купцах“. На них можно встретить малайцев, негров, китайцев, шведов, бразильцев, греков—словом, представителей всех рас и национальностей.

Это разнообразие является следствием того, что очень часто в каком-нибудь порту часть команды,

сделав 30—40-дневный рейс и получив жалование, заявляет, что она „становится в этом порту на якорь и дальше не идет“.

Команда спешно пополняется, кем попало—из среды безработных моряков, которые, может-быть, неделю тому назад тоже „отдали якорь“ и, спустив все деньги, снова ищут работы.

(Нужно оговориться, что после войны массовая безработица и упадок мореплавания это явление сократили до минимума. Моряки, боясь потерять заработок, держатся на своих судах).

Расскажем один случай из жизни „купцов“, показывающий в каких условиях им приходится работать.

Английский „купец“ разгрузил в Виго (испанский порт) уголь. В Бискайском заливе—шторм. Капитан дает своему „Обществу“ телеграмму, что он из-за шторма думает задержаться в порту.

Получается ответ:

„Если вы не можете выйти в море, в Англии есть много капитанов, которые это могут сделать“. И „купец“, изношенный до отказа своей 10—15-летней работой, протекающий, скрипящий,—идет в море.

Так приказывают интересы „Общества“, не желающего терять деньги из-за жизни каких-то 20 моряков, которым шторм угрожает гибелью. Из-за гибели самого судна они ничего не теряют: оно застраховано в приличную сумму.

Об условиях жизни и работы на „купцах“ есть хороший отзыв самих моряков: „Вечный танец по волнам в клоповнике“. Действительно, тот, кто видел „купца“, кто побывал на нем,—тот никогда не забудет маленького носового кубрика команды, вечно заливаемого водой, темного, вонючего, полного клопов и тараканов.

И бороздят тысячи таких „купцов“ воды всех океанов и морей, перевозя нескончаемые грузы, которыми забиты порты. Делают рейсы в 5—6 тысяч миль, едва успевая, кое-как, во время короткой стоянки, подкраситься, чтобы не ржаветь. И так, часто, с бортом, закрашенным суриком только наполовину, „купец“, бросая текущий ремонт, поднимает якоря и снова выходит в море—„время не ждет“...

Вечные труженики моря — „купцы“, никогда не знают отдыха. Часто их отдыхом служит дно океана.

Машина нашего Сэнди.

Эта история относится к тем временам, о которых вы, вероятно, знаете только по наслышке, — к осени 1914 года. Я по ряду причин решил не оставаться больше в Мельбэрне и подписал на „Саутпорт“. Купец, 3000 тонн. Тихоокеанской Пароходной Компании.

Мы шли в Чили. Это был кусочек около 7000 миль. Мы, конечно, пришли бы во-время и куда следует, если бы не встреча с „Гейером“. Этот симпатичный немецкий кораблик давал сразу 16 узлов и... залп из своих четырехдюймовых. Понятно, после получасовой беготни, мы застопорили. Неприятно быть утопленным, да еще на глубине 5—6 тысяч метров.

Мы приготовились спустить шлюпки, но „Гейер“ предложил нам этого не делать и отправиться с ним.

В конце концов, он нас привел к какому-то острову. Я забыл его название, но знаю, что это самый забытый остров в мире. На нем живет чернокожая публика, управляемая своим королем. Там мы стали на якорь в живописной бухточке с пальмами.

С большим знанием дела немцы разобрали нашу машину. Паропровод, сепаратор, золотниковую коробку,

холодильник—все „починили“; шлюпки предусмотрительно продырявили.

Оставили нас на попечении черного короля и ушли, пообещав в скорости вернуться.

Я должен сказать, что это нам не понравилось.

Но никто из нас не забывал, что выручать нас никто не придет. Наш механик Сэнди Хук (прошу запомнить это имя), сказал:

— Мы должны уйти, значит—мы уйдем!

Капитан кивнул головой. Мы сказали:—Да!

Мы начали работать. Все, что было из металла, пошло в дело. Сэнди Хук приспособил к делу даже оловянные тарелки.

Словом, мы превратились в настоящий машиностроительный и судоремонтный завод.

На одиннадцатый день Сэнди Хук заявил, что кочегары могут поднять пары, так как он собирается пробовать „машину“. Он предупредил только, что она будет давать „вперед“, и если попадет на мертвую точку, то тогда он разводит садик на берегу.

Мы испытали то, что испытывает человек, которого подтягивают на виселицу.

Но, все-таки, мы с'умели одним передним ходом развернуться и выйти из бухточки, провожаемые королем и его свитой. А дальше, — дальше Сэнди Хук поддержал свою „машину“ на 2000 миль, и мы добрались до своего ближайшего порта.

Говорили потом, что „Гейер“ пришел на остров вскоре после нашего ухода. Что чувствовал механик „Гейера“, мы так и не узнали.

Я думаю, он позавидовал Сэнди Хук.

Вы тоже, верно, так думаете?

В 120 милях к West'у.

...Последняя надежда, единственная, была на то, что кто-нибудь поспешит на помощь. Радиотелеграфист выстукивал короткий, как будто захлебывающийся сигнал „SOS“ [1]).

Дверь радио-рубки распахнулась и ворвавшийся ветер втолкнул помощника капитана.

— Отвечают?

— Да.

А оба знали, что ответ не нужен. Берег—в 120 милях. В такой шторм никто не выйдет на помощь. Взглянули друг другу в глаза.

Крен становился все больше. Рубка задрожала от ударов,—что-то трещало,—точно чьи-то гигантские челюсти жевали железо.

Радиотелеграфист еще раз дал сигнал.

И оба ждали... Они знали, что нечего ждать, но ждали. Чьей-нибудь невозможной помощи...

Потом помощник капитана ушел, пожав радиотелеграфисту руку. Золотые нашивки не помешали ему это сделать — они уже ничего не стоили. Оба были одинаковы, как и все, кто находился на „Вирджинии“, которая шла ко дну в 120 милях от берега. Радиотелеграфист снова дал сигнал: „Вирджиния“ в 120 милях к West'у от Батума со всей командой идет ко дну“...

Море точно ждало, пока тонущий корабль не подаст прощальную весть. Вместе с последним словом депеши погас свет...

Вода затопила машину.

Сначала в рубку поползла тонкая струйка воды. Потом она стала бить сильнее.

---

[1]) SOS—«save our souls»—спасите наши души!

— Ну, вахта кончилась...

Радиотелеграфист поднялся, и, стоя в воде, снял наушники. Зажег спичку и посмотрел на часы: было без 5 минут 8.

Подумал о том, что сейчас он должен смениться, улыбнулся этой мысли и сел, опустив руки на стол... Вода подымалась выше и выше...

В темноте нащупал карандаш, хотелось что-то написать. Страх предсмертный... и вода—вместе с телом коченело сознание. Хотел выскочить на палубу — там еще можно жить, что-нибудь сделать. Остановился — смены нет... вахты нельзя бросать.

Закрыл глаза.

Вода затопила радио-рубку...

Как Вилли стал красным.

Вилли Джексон ненавидел красных. Он был от каблуков своих 7 долларовых ботинок до верхушки своей фетровой Стетсоновской шляпы—патриотом. Он всегда твердил:

— „Америка для американцев", а раз так, то вся социалистическая и коммунистическая агитация, как продукт Европы, вредна для Соединенных Штатов.

Вилли был последовательным, честным патриотом. Правда, выше всего он ставил доллар, но отечество свое он любил тоже. И почему его не любить? Он зарабатывал до 100 долларов, получая прекрасный стол. Каждый месяц он делал два рейса в Центральную и Южную Америку. Да, я совсем забыл сказать, что Вилли Джексон был моряком. Натуральным, чистокровным моряком. Его дед участвовал в американско-испанской войне, будучи боцманом. Его отец был теперь смотрителем на маяке Блек-Рок, а раньше шкипером

на „Литль". После того, как ему выбило глаз оборвавшейся снастью, он отдал якорь на берегу. Сам Вилли уже с 7 лет ходил с отцом в море. Из него выработался отличный моряк. Ловкий, смекалистый, энергичный.

Итак, теперь вы немного знакомы с Вилли, с его папашей и даже с дедушкой.

Как я уже сказал, Вилли любил свое отечество. Когда в 17 году С. Штатами была об'явлена война Германии, Вилли явился в морское бюро рекрутов и подписал контракт.

— Почему мне не послужить дяде Сэму [1]), почему не побывать в Европе и почему мне отказываться от таких хороших условий службы в военном флоте?— рассуждал Вилли.

Правда, если поглубже заглянуть в душу Вилли, то там можно было бы найти в самом уголке страх перед подводными лодками, которые так беспощадно топили коммерческие пароходы. В добавок Вилли мало нравилась перспектива одеть „хаки". Служить в пехоте?—Пусть служит в ней кто угодно, но не он Вилли, плавающий 17 лет! Это отчасти толкало его уйти из торгового флота в военный.

Вилли увидел Европу. Он побывал в Англии, в Средиземном море. Но разве все виденное им в Европе могло сравниться с чем-нибудь своим—американским? Никогда!

Когда кончилась война, Вилли, выйдя в резерв и получив военную медаль за храбрость, вернулся домой, т.-е. не домой, ибо дома у него не было, а в Америку.

В Нью-Иоркской гавани их встречали очень торжественно. Гремела музыка, развевались звездные флаги, их приветствовали без конца.

---

[1]) Дядя Сэм—шутливое название С.-А. С. Штатов.

„We did-it“!. — „Мы сделали это“! — Гордо говорили они.

Мы спасли Европу, мы разбили Германию!

Какие-то дамы дарили им на набережной цветы, шоколад, сигареты.

Они были героями дня.

Но в Америке все интересно только на один день. Прошло несколько дней и газеты кричали о грандиозном пожаре в Иллинойсе, забыв вернувшихся из Европы.

Вилли отдыхал. Те деньги, которые были у него, незаметно исчезали. Отдых стоил дорого.

Через неделю Вилли с грустью констатировал, что у него остается только 10 долларов. Этой суммы могло хватить только на неделю, при условии величайшей экономии.

Когда он пришел в контору компании, где он раньше служил, и спросил об условиях поступления на службу, ему ответили вежливо и определенно.

— Сейчас это не представляется возможным. Мы сокращаем персонал до минимума. До свиданья!

Еще через неделю Вилли готов был стать чистильщиком сапог, газетчиком, швейцаром, грузчиком, чем хотите, но только бы получить работу. Вся его программа заключалась в этом скромном требовании к обществу, для которого он честно служил на военной службе.

Вилли бродил, как тень по городу. Потянуло в порт, к жизни, к работе, к грохоту кранов, лебедок, к гудкам буксиров и паровозов, к реву грузовиков, к толпе...

Он зашел туда голодный. Сколько раз он заходил на разные пароходы:

— Вам нужен матрос?

— Нет.

— Кочегар?

— Нет...

— Угольщик?

— Нет.

Он брел дальше. Поиски работы были бесплодны.

В его сознании происходил сложный процесс.

Его патриотизм заменялся чем-то другим.

Чем, он сам еще не понимал. Но он был недоволен.

В одно прекрасное, для многих, но не для Вилли, утро он шел снова в порт.

Это был его единственный маршрут.

Навстречу ему двигалась какая-то процессия.

Красные флаги... На одном из них он прочел:

— „1 мая". „Мы требуем работы".

Вилли равнодушно посмотрел на толпу.

— Это социалисты... Бесцельная трата времени— прогулки с красными флагами.

Начался митинг. Толпа увеличивалась:

Кто-то говорил речь. Почему Вилли стал слушать оратора он и сам бы не ответил.

— „Безработица достигает невероятных размеров. Нажившись на военных поставках, капиталисты выбрасывают ненужных им теперь рабочих на улицу... Так будет продолжаться до тех пор, пока мы не приступим к организованной борьбе..."

Раздались свистки. Сразу с нескольких сторон к толпе под'ехали полицейские автомобили. Отряд полисменов начал оттеснять толпу, раздавая дубинками удары направо и налево.

Кто-то треснул Вилли по черепу. Он пошатнулся, но, оправившись, ответил крепким ударом.

В переносицу. Хорошо действует такой удар.

Его схватили. Вилли пытался протестовать.

— Я свободный американский гражданин, я имею военную медаль...

Его втолкнули в автомобиль. Он арестован.

На суде его приговорили „за уличные беспорядки" к 6 месяцам тюрьмы или 100 долларам штрафа.

— Вот все, что я имею, возьмите,—и Вилли снял с груди медаль за храбрость и кинул на стол судье.

В эту минуту Вилли перестал быть патриотом.

Его родина превратилась в его врага.

И он превратился в непримиримого врага своей родины.

В ноябре, выйдя из тюрьмы, Вилли выставлял другую программу. Долой капитализм!

Когда он узнал, что его программа совпадает с программой Рабочей Партии, он стал ее членом. Вилли стал красным.

И если вы спросите Вилли, почему он так резко изменил свои взгляды, он ответит:

— Удар полисмена 1 мая привел в движение некоторые винтики...

История на „L".

Эта была чудовищно-жуткая история. Она мне врезалась в память... Случилась история во время войны. В начале 1916 г. меня списали из 7-ой подводной флотилии в школу морских воздухоплавателей. Ускоренный курс—и я в чине унтер-офицера моториста попал на один из цеппелинов—„Л".

В тот же день, как я прибыл, мой „L" [1]) шел в налет на английские города.

Не скажу, чтобы полет на „L" был приятнее похода на каком-нибудь миноносце. Так же качает, шумит, попадаешь в такой же туман...

---

[1]) «Zeppelin L»—цеппелин Л—морской воздушный корабль.

Отстояв свою вахту, я вышел на нижнюю площадку проветрить свои легкие. Внизу темнело Северное море, совершенно пустынное...

До берегов Англии оставалось небольшое расстояние. Оно уменьшалось по мере того, как наступала темнота. Наш налет был рассчитан на ночь.

Несколько десятков хороших бомб должны были поднять с постелей англичан.

По боевой тревоге я снова вернулся к своему мотору.

Противный ветер замедлял наш ход, и мы подошли к назначенному месту, когда уже рассветало. Это не входило в наши расчеты, но назад нельзя было возвращаться. Мы должны были сбросить свои бомбы.

Тогда командир поднялся выше за облака, чтобы нас не обнаружили. А для наблюдения и корректировки, вниз, под облака, на несколько сот метров, на стальном тросе в аллюминиевой камере спустили матроса-наблюдателя. Он должен был передавать по телефону, как ложатся наши бомбы.

Донесся первый глухой взрыв. Даже стук дизелей не заглушил его. Началось...

Потом снизу, сверху, справа и слева начали рваться снаряды. Англичане взяли нас под обстрел. Они нас не видели, но устроили заградительный огонь. Мы очутились в каком-то „ящике" разрывов.

Спасение было в одном—быстро подняться вверх. Мы начали сбрасывать за борт все, что только могли.— Бомбы, пулеметы, патроны, вещи, какие-то ящики...

Вдруг командир подскочил к закрепленному тросу, на котором висел наблюдатель, и закричал:

— „Руби!"...

Мы остолбенели... Как? Никто не сдвинулся с места. Командир выхватил револьвер и выстрелил в нас подряд несколько раз. Трое упало.

Через две минуты 4 человеками на борту „L“ стало меньше.

Нам удалось уйти.

Когда мы вернулись в базу, все не исполнившие приказания, были отданы под суд. Я бежал. Мои товарищи были расстреляны.

Вот, что об этой истории писала потом английская газета: „После недавнего налета цеппелина на берегу найден был странный аллюминиевый предмет, в котором был обнаружен труп германского моряка. Полагают, что это оборвавшийся с цеппелина наблюдатель“.

РЕД.-ИЗД. ОТДЕЛ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА.

Вышли из печати и поступили в продажу.

	Цена. р.	к.
На вахте Революции	—	50
Зоф, В. Из истории флота прошлого и настоящего. Изд. 2-е.	—	20
Ленин и Красный Флот	1	—
Соболев. Военно-морская игра. Изд. 2-е.	—	75
Давыдов. Жертвы седого океана	—	35
Таблицы морских и метрических мер, применяемых во флоте.	—	50
Таблицы для перевода русских мер в метрические и обратно	—	20
Платонов. Черноморский флот в Революции 1917 г	—	60
Соболев. Красный флот в гражданской войне	1	—
Шульгин. Мореходная астрономия	2	—
Справочная книжка молодого военмора	1	35
Самойлов. На канонерской лодке „Ленин"	—	60
Алые вымпела. Сборник краснофлотского литературного творчества	1	—
Таблица семафора и азбуки Морзе в красках	—	20
М. Б. Гребля.	—	10
Н. Н. Крейсерская война в прошлом	—	20
Вишневский, Вс. За власть Советов. Сборник морских рассказов	—	20
Рабо и Виттенбург. Полярные страны	4	—
Кочкин. Взрывчатые вещества	2	—
Петров. Морская тактика	1	50
Трусов. Практический курс моторного дела	1	50
Правила ведения счетоводства и отчетности	—	85

В непродолжительном времени выйдут из печати:

Гельмерсен. Морская практика.
Лейтенант П. П. Шмидт. Воспоминания сестры. Изд. 3-е.
Лукашевич. Краткий морской словарь. Изд. 2-е.

С требованием обращаться в Книжный Склад Морведа: Ленинград, Главное Адмиралтейство.

На запросы Склад отвечает при присылке почтовой марки.

Цена 50 коп.